

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
«Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

Ольга Карпенко

9 ФРОНТОВЫХ СУДЕБ

*Биографические очерки
об участниках Великой Отечественной
войны – преподавателях ЧГПУ*

танкоград Наждаки, кто
челен, блеск
с нами блеск

Челябинск 2025

УДК 378(09):9(с17)27
ББК 74.483:63.3(2Р36)622

К 26

Карпенко, О.Э. Девять фронтовых судеб:
К 26 биографические очерки об участниках Великой Отечественной войны – преподавателях ЧГПУ / О.Э. Карпенко; Министерство просвещения Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2025. – 184 с. – ISBN 978-5-907869-81-3. – Текст: непосредственный.

В книгу вошли девять увлекательных биографических очерков о фронтовиках – преподавателях Челябинского государственного педагогического университета, опубликованных ранее на страницах газеты «ТАНКОГРАД». Написана членом Союза журналистов России и выпущена к 80-летию Великой Победы.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей 90-летнего Южно-Уральского педагогического вуза и героическим прошлым нашей страны.

УДК 378(09):9(с17)27
ББК 74.483:63.3(2Р36)622

ISBN 978-5-907869-81-3

© Карпенко О.Э., 2025
© Издательство Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей АЛАБЖИН. Седую голову склоня</i>	4
<i>«Челябинский Эйнштейн» – Моисей СВИРСКИЙ</i>	8
<i>Человек, который знал всё, – Владимир АНТРОПОВ</i> ...	32
<i>Две ярких жизни одной короткой судьбы. Иван СЕМЁНОВ</i>	48
<i>Русский солдат Великой войны – Василий ЧЕТИН</i> ...	68
<i>Жизнь как подвиг. Семён СИДОРЕНКО</i>	90
<i>На крыльях Победы. Андрей АБРАМОВСКИЙ</i>	112
<i>Балтийское мужество. Руд БРАНДЕСОВ</i>	128
<i>На высоте в бою и в жизни. Лев ЭПШТЕЙН</i>	148
<i>Фронтовая самоотверженность в труде. Николай ТОМИН</i>	162
<i>Библиографический список</i>	179

СЕДУЮ ГОЛОВУ СКЛОНЯ...

Всю свою жизнь связан с фронтовиками. В детстве среди соседей были фронтовики. В селе, где я рос, их было много – они учили меня, работали, и даже участкового-фронтовика помню, всегда опрятного, в галифе, с начищенными до блеска сапогами. Когда на День Победы они собирались, мы бегали вокруг столов, нас, деревенских пацанов, брали на колени, пели песни, вспоминали о былых сражениях, рассказывали забавные истории и обязательно поднимали тост за Сталина. Казалось, это было вчера, а прошло уже более пятидесяти лет.

В школах, где я учился, директорами работали фронтовики, и среди учителей их было немало. Всегда подтянутые, строгие, но между тем добрые люди. Когда я служил в армии, в нашу ракетную дивизию приезжал фронтовик Главком РВСН генерал армии Владимир Фёдорович Толубко и вручал нам Вымпел МО СССР «За мужество и доблесть» – и это было символично и до слёз трогательно.

Когда я работал директором двух школ в нашем городе, там меня тоже окружали фронтовики. Они дебатывали, честно и добротно выполняя свое дело.

Во второй железнодорожной школе познакомился с ветеранами 96-й отдельной танковой Шуменской бригады имени Челябинского комсомола. Застал их, ещё последних в живых. Именно они попросили меня в той самой школе, где формировалась эта бригада в годы войны, открыть бюст Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР товарищу Стalinу, и с их помощью, при их активном

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

участии мы это сделали. На открытии бюста присутствовал генерал армии Герой Советского Союза, знаменосец Победы Валентин Иванович Варенников, тогда я познакомился с ним, и с тех пор мы общались до конца его жизни.

Нашу семью тоже война не обошла. Один мой дед, Алабжин Алексей Яковлевич, погиб в первом же бою на Карельском фронте. Он подвозил снаряды к артиллерийским установкам. Бабушка до конца своей жизни помнила текст похоронки, часто повторяла его и молила Бога за погибшего Алексея.

Второй дед, Жуков Иван Ильич, пришёл с фронта без ноги, был награжден Орденом Славы III степени. Помню, как я с гордостью надевал этот орден на рубашку, играя с мальчишками в войну, был командиром и всегда кричал, поднимая в бой: «За Родину! За Сталина!». По своей наивности употреблял даже крепкие слова. Примерял деревянный протез деда. Он привязывал его к культе и ходил так на работу в другое село, где трудился кузнецом.

Из всех фронтовиков, кого я знал, с кем дружил и встречался, в живых сейчас не осталось никого.

* * *

В 1982 году после армии поступил в Челябинский пединститут, где с первого до последнего курса нас учили преподаватели, прошедшие фронт: Василий Егорович Четин, Иван Васильевич Семёнов, Владимир Михайлович Антропов. Надо сказать, они отличались от других своих коллег особенной собранностью, ответственным подходом к работе, в них

/////////////////// К 80-летию Великой Победы //////////////////

чувствовалась армейская выпрека, и взгляд у них был людей, познавших многое в своей жизни.

Рассказывать об их судьбах не буду: это прекрасно сделала редактор, журналист Ольга Эдуардовна Карпенко. Всё это изложено в книге, которую вы держите в руках, и я вам советую, внимательно её прочитать. Она написана профессиональным, высоко выверенным языком. Все вошедшие в неё очерки о фронтовиках – преподавателях нашего вуза были опубликованы в газете «Танкоград» в рубрике «К 90-летию Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета» в юбилейном, 2024-м, году, и мне приятно, что они вызвали широкий отклик у читателей, учеников, коллег и родственников героев.

Преподаватели-фронтовики, о которых мы вспоминаем, в годы моего студенчества были примерно в том возрасте, в котором я сейчас пребываю. Но какая разница между нами: сколько выпало на их долю, и самое главное, что они сделали, – они защищили Родину, не жалея ни своей жизни, ни своей крови. А сейчас их внуки и правнуки с честью выполняют свой долг на СВО – вот она – непрерывающаяся связь времен. Спасибо им – воинам и защитникам нашего Отечества – и, прежде всего, простому русскому солдату. Красиво и точно о нём сказал Михаил Матусовский:

Полем, вдоль берега крутого, мимо хат
В серой шинели рядового шёл солдат.
Шёл солдат, преград не зная,
Шёл солдат, друзей теряя,

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

Часто бывало, шёл без привала,
Шёл вперед солдат.

Шёл он ночами грозовыми, в дождь и град,
Песню с друзьями фронтовыми пел солдат.
Пел солдат, глотая слёзы,
Пел про русские берёзы,
Про карие очи, про дом свой отчий
Пел в пути солдат.

Словно прирос к плечу солдата автомат,
Всюду врагов своих заклятых бил солдат.
Бил солдат их под Смоленском,
Бил солдат в посёлке энском,
Глаз не смыкая, пуль не считая,
Бил врагов солдат.

Полем, вдоль берега крутого, мимо хат
В серой шинели рядового шёл солдат.
Шёл солдат-слуга Отчизны,
Шёл солдат во имя жизни,
Землю спасая, смерть презирая,
Шёл вперёд солдат.

Склоняю свою седую голову перед подвигом
русского солдата. В моей памяти и в моем сердце
он останется навсегда.

**Сергей АЛАБЖИН,
главный редактор
газеты «Танкоград»**

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ЭЙНШТЕЙН» – МОИСЕЙ СВИРСКИЙ

НАЧАЛО ПУТИ

Моисей Соломонович Свирский родился 8 августа 1923 года в литовском городе Паневежис. Его отец, Залман Ельяшевич, работал экспедитором на железной дороге, мать Хава была домохозяйкой. В семье было шесть детей: три сына и три дочери. Мейшале (так любовно называли Моисея) был самым младшим. С детства он проявлял большую тягу к знаниям. В 1928 году Моисей поступил в школу, а в 1932-м окончил её. В 1937 году, оставив духовную семинарию, поступил в учительскую.

В 1940 году в Литву вступает Красная Армия, и через месяц Республика становится социалистической. В связи с проведенными реформами гимназии преобразовываются в государственные средние школы, и, получив широкие возможности для интеллектуального развития, Моисей поступает в 10-й класс.

21 июня 1941 года, сдав на отлично все экзамены, завершает свое среднее образование. Однако аттестат зрелости Моисей получить не успел: утро готовило ему новые неумолимые и тяжелые испытания.

22 июня гитлеровская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Паневежис, как и другие западные территории страны, подвергся налету немецкой авиации. Всю территорию Литвы захватили за неделю. На фоне хаоса, антисоветского

восстания, отступления Красной Армии и быстрого продвижения немцев начались массовые убийства евреев. Айнзатцгруппы СС и полицейские батальоны, не ограничившись расстрелом евреев-мужчин в возрасте от 17 до 45 лет, переходят к массовому уничтожению женщин и детей. Евреи погибали целыми семьями от грудных младенцев до седых старииков. Самый кровавый погром за лето 1941 года состоялся в Каунасе, где с 24 по 30 июня было убито около 4000 евреев. Передвойной в Литве проживало 240 тысяч евреев, на оккупированной территории осталось 220 тыс. Из них было убито 200 тысяч, то есть более 90 % – фактически перестала существовать древняя еврейская община Литвы.

Мать, отец и сестры Моисея были расстреляны... и лишь братьям чудом удалось уцелеть. Более десяти дней бежал он под почти беспрерывным огнем, а затем всё-таки был эвакуирован в Новосибирск и полон решимости при первой же возможности вернуться с оружием в руках. С эвакуированными попал в колхоз «Просвещенец» Тогучинского района на сельхозработы. С наступлением холодов, за неимением зимних вещей, Моисею пришлось уехать из Сибири в более тёплые края, Южный Казахстан. Имея образование, он устроился на работу в неполную среднюю школу им. Ленина Келесского района учителем математики и немецкого языка. Царил голод: в июне 1941 года убрали поля зерновых, а вместо них посеяли хлопок, который имел стратегическое значение. От голода страдали не только люди, но и животные. К Моисею привязалась большая собака, она ходила за ним по пятам. Как-то

|||||||||||||| Девять фронтовых судеб ||||||||||||

утром, решив побриться, Моисей отправился к арыку. Намылив лицо, положил кусок мыла в мыльницу, взял зеркало, бритву и стал бриться. По окончании мыльницы вдруг оказалась пустой: пока он брился, голодная собака съела мыло... От голода спасло лишь то, что как учителю ему полагалось немного муки, а также, прикрепив к животноводческой ферме, каждое утро выдавали пол-литра молока.

Весной, после тяжёлых сообщений сводок Совинформбюро об отступлениях наших войск, на конец пришла радостная весть: фашистские войска остановлены под Москвой. Рухнул план молниеносной войны. Несколько раз Моисей обращался в райвоенкомат Сары-Агач с просьбой призвать его в Кизил Аскер (Красную Армию). Но от нехватки еды у него резко падало зрение, и медкомиссия каждый раз браковала, только весной ему всё-таки удалось убедить её.

СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

С 14 марта 1942 года исчисляется воинский стаж рядового Свирского, впоследствии ефрейтора 16-й Литовской стрелковой дивизии. Он воевал на трех фронтах: Центральном, Белорусском, Прибалтийском. За плечами пехотинца 23-й отдельной химической роты 2,5 тысячи километров от Тульской области до Балтийского моря.

Сначала 18-летнего Моисея отправили в Балахну, под Горьким, для обучения военному делу: обращать-

ся с винтовкой и штыком, ходить в противогазе по палате, заполненной газом, совершать походы иногда в герметичных резиновых комбинезонах, бросать гранаты и бутылки с горючей смесью. Ночами летали фашистские самолёты, которые систематически отправлялись бомбить горьковский автозавод. По ним стреляли зенитка, установленная на казарме, и обучающиеся из винтовок.

Осенью 1942 года дивизию, где служил рядовой Свирский, направили в Тулу, поближе к фронту. Бойцы посетили усадьбу Л.Н. Толстого, увидев, что натворили там фашисты во время оккупации (они превратили усадьбу в конюшню). В тульских снегах Моисей вспоминал синие отроги Ала-Тау и зной, так донимавший его на хлопковых полях. Метели и бураны мешали своевременному подвозу боеприпасов и продуктов. Приходилось варить мерзлую картошку и разделять стрелянных лошадей. В декабре дивизию направили на Центральный фронт. После зимних боев с напряжением ожидали крупного летнего наступления врага. Закапывали танки в землю, над поверхностью земли оставалась только башня с орудием. Рядом появились войска, участвовавшие в разгроме фашистской армии под окруженным Сталинградом.

21 февраля 1943 года дивизия вступила в бой в районе села Алексеевки, в 50 километрах к юго-востоку от Орла, и в боях за город понесла большие потери. Многие боевые товарищи Моисея получили тяжелые ранения...

Боевой дух солдат поднимали музыка и песня. Пели «Землянку», «В лесу прифронтовом», «Эй, Вася-vasilek, места горю не давай...», «Песню фронтово-

вых журналистов». Свирский стал запевалой в роте. Получив поручение научиться играть на гармошке, Моисей успешно с ним справился – Первомай рота встречала концертом из военных песен.

Летом 1943 года дивизия участвовала в Курской битве. В первые же дни соединение выдержало мощный удар 383-й пехотной и 18-й танковой немецких дивизий, сопровождавшийся налётом 120 самолётов. В результате пяти атак немецкие части вклинились в расположение советских войск, но контратакой положение было восстановлено, а противнику нанесены значительные потери. Курская битва явилась одним из ключевых и самых масштабных сражений. На Орловско-Курской дуге состоялось самое крупное танковое сражение в истории: в нём участвовали 2 миллиона человек, 6 тысяч танков, 4 тысячи самолётов. После завершения битвы стратегическая инициатива в войне перешла на сторону нашей армии.

После победы на Курской дуге каждый советский участник битвы получил благодарность Верховного главнокомандующего. Получил ее и Моисей Свирский. Тогда же он стал ефрейтором, обменял винтовку на автомат, появился у него и трофеинный аккордеон, который бойцы его химроты не бросали даже в самых тяжелых условиях.

В начале 1944 года Моисей принимал участие в кровопролитных боях за освобождение Белоруссии, получив вторую благодарность Верховного главнокомандующего. Затем освобождал Латвию и Литву, участвовал в Шауляйской битве под командованием Баграмяна. Освобождал и свой родной Паневежис.

Это была тяжёлая встреча с малой родиной. Война сохранила улицу, дома с соседями... а родители и сестры Моисея все погибли... **21 декабря 1944 года в девять часов утра во время наступления под Латвийским г. Либавой (ныне Лиепая) он получил тяжелое ранение.** Был эвакуирован в госпиталь на ст. Опарино Кировской области. Там и встретил Моисей долгожданный День Победы. После ампутации ноги, с незажившей раной, он сдал экстерном экзамены за курс средней школы и решил поступать на физический факультет Московского государственного университета.

СТУДЕНТ МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Осенью 1945 года бывший пехотинец-химразведчик 22-летний ефрейтор Свирский стал студентом. Ему предстояла учеба у выдающихся советских ученых-физиков Д.И. Блохинцева, Д.Д. Иваненко, А.А. Соколова, Я.П. Терлецкого, А.А. Власова.

Летом 1946 года, после окончания первого курса МГУ, Моисей впервые побывал в Челябинске, его отыскал и пригласил обосновавшийся здесь старший брат Михаил, с которым разлучила война и ранение.

На втором курсе, несмотря на сложности, Моисей решил вопрос с протезированием ноги: он смог надеть протез и научился на нём ходить. Было непросто: не сразу искусственная нога, прикреплявшаяся десятком ремешков к большому ремню, одетому на пояс, стала служить ему опорой и средством передвижения, от

воздействия твердого материала протеза при длительной ходьбе она натирала тело до крови.

Несмотря на послевоенные трудности, учился Моисей только на отлично, его страстно интересовала теория физики и, начиная с третьего курса, он стал посещать семинар профессора Д.Д. Иваненко, научным руководителем работы студентов являлся профессор Я.П. Терлецкий. Он поручил Моисею разобрать и доложить на семинаре работу молодого итальянского исследователя Джентиле по промежуточной квантовой статистике из журнала “Nuovo chimento” за 1939 год. Физикам были хорошо известны два типа квантовой статистики: статистика Бозе–Эйнштейна (1924) для частиц с целым спином и статистика Ферми–Дирака (1926) для частиц с полуцелым спином, и все наблюдаемые в природе частицы относились либо к бозонам, либо к фермионам. Однако еще в 1933 году физик–теоретик В. Паули писал: *«Представляется весьма своеобразным то обстоятельство, что волновая механика дает большие возможностей, чем встречается в природе; остается надеяться, что будущая теория элементарных частиц приведет к более глубокому проникновению в сущность этого ограниченного выбора природы».*

Итальянского языка Моисей не знал. Со словарем в читальном зале Ленинской библиотеки он перевёл статью с незнакомого языка и блестяще выступил

на семинаре с докладом, чем вызвал большой интерес: оказалось, что известные прежде квантовые статистики вытекают из промежуточной статистики Джентиле как частные случаи. Как позднее вспоминал Моисей Соломонович, он понимал тогда эту работу как студент, но новая статистика «запала в нём», он никогда не забывал ее, занимаясь другими проблемами. Это и позволило ему спустя четверть века написать фундаментальную научную работу и доказать возможность реализации статистики Джентиле в магнитных системах, опровергнув мнение, что промежуточная статистика имеет только лишь академический интерес, что это чисто теоретическое изобретение и что она не реализуется в природе. Он считал эту работу одним из наиболее важных своих научных достижений.

Окончание третьего курса в 1948 году Моисей отметил дорогой и памятной покупкой книги А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики», в которой излагалось развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантовой теории. Эта старая книга сохранила его многочисленные пометки и подчеркивания, говорящие о тщательном прочтении и глубоких размышлениях над фундаментальными вопросами физической науки, интерес к которым учёный сохранил до конца жизни.

Первую научную работу М.С. Свирский выполнил еще на студенческой скамье: под руководством профессора Я.П. Терлецкого он подготовил дипломную работу «Об ускорении частиц космической пыли вихревыми электрическими полями Солнца и звезд».

////////// Девять фронтовых судеб //////////

На её основе была написана статья «О скорости распространения света в нелинейной электродинамике», которая была представлена к публикации в Вестнике МГУ (1951). На эту работу талантливого выпускника впоследствии ссыпался сам Д.И. Блохинцев. Изучаемая в вузовском курсе классическая электродинамика Максвелла была линейной. Согласно неё, скорость света является постоянной величиной. Этот факт лежит в основе специальной теории относительности А. Эйнштейна. В его общей теории относительности имеет место замедление светового луча, движущегося в гравитационном поле. Но то, что скорость света может уменьшаться и в электростатическом поле, было неизвестно. Свирскому удалось установить, что в нелинейной электродинамике Борна–Инфельда имеет место эффект замедления света, заметный вблизи элементарных заряженных частиц, порождающих сильные электростатические поля.

ВТОРАЯ РОДИНА – ЧЕЛЯБИНСК, ЧГПИ

Летом 1950 года, по окончании с отличием МГУ им. М.В. Ломоносова, М.С. Свирский получил квалификацию научного работника в области физических наук, преподавателя вуза и учителя средней школы и был распределен в Сарапульский пединститут в Удмуртской АССР на должность ассистента теоретической физики, но такой дисциплины в учебных программах там не было. До начала работы Моисей решил

снова съездить в гости к брату Михаилу в Челябинск, ещё не зная, что имеющий много вузов крупный город станет его второй родиной. Так случилось, что здесь, по рекомендации тоже фронтовика, ст. преподавателя кафедры общей физики физико-математического факультета Ю.В. Карасова, выпускник МГУ М.С. Свирский был принят на работу в Челябинский педагогический институт читать курс лекций по электродинамике. Директор В.А. Жданов через министерство вызывался уладить дела с перераспределением. Так с фронтовым упорством молодой преподаватель принялся создавать свой первый лекционный курс.

Челябинск стал для Моисея Соломоновича родным: здесь сложилась его научно-педагогическая судьба, здесь он вырос в крупного ученого, пройдя славный путь от ассистента до профессора и академика РАЕ, а главное, здесь он обрел семью, встретив Азу Сергеевну Лобанову. Волевая и сильная духом, чудом уцелевшая во время Ленинградской блокады, она стала его женой, надежным тылом и опорой.

Непредсказуемы зигзаги судьбы, которая посыпает порой знаковые отметины, и, как напоминание о пребывании в тыловом военном госпитале, его судьбой стала уроженка именно Кировской области. Аза родилась 18 декабря 1922 года в г. Котельниче. После окончания с отличием школы в 1940 году поступила на лечебный факультет I Ленинградского мединститута им. академика Павлова. Но вмешалась война, учебные занятия были прекращены. Аза работала в госпитале, а после эвакуации попала на Урал, где проживала ее старшая сестра Софья. Затем, вернувшись

в родной Котельнич, трудилась там в протезно-костыльной мастерской. В 1946 году, вновь приехав на Урал, в Челябинск, Аза попыталась восстановиться в число студентов мединститута, но хотя в ее зачетной книжке стояли одни пятерки, ей было предложено начать обучение с первого курса.

Не имея материальной поддержки, сложно принять такое условие, поэтому она поступает на второй курс факультета естествознания ЧГПИ, который оканчивает за три года с отличием, и по рекомендации профессора Л.А. Уткина остается работать на кафедре анатомии и физиологии ассистентом, поступив в аспирантуру по кафедре ботаники. С Моисеем Соломоновичем она познакомилась в приёмной ректора перед началом кандидатского экзамена по философии.

Не каждой женщине было бы под силу вести почти аскетический образ жизни, когда все было подчинено науке. Оба они испытали на себе превратности судьбы, вначале опалившей их огнем войны, а затем забросившей из столичных городов на Урал. Обоим довелось стать носителями фундаментальных естественно-научных знаний: ему – квантовой механики как фундамента современной физики, ей – генетики как фундамента современной биологии. Супруги не мыслили себя вне науки. Командировки на научные конференции

составляли существенную часть жизни. Во время этих поездок Моисею Соломоновичу приходилось много ходить и протез до крови натирал ногу. Аза Сергеевна заботливо выхаживала мужа, залечивая глубокие раны.

В 1958 году в УрГУ состоялась защита диссертации М.С. Свирского «Некоторые вопросы квантовой многоэлектронной теории металлов при низких температурах». Это была первая в истории ЧГПИ кандидатская диссертация по теоретической физике. Положительный отзыв о работе аспиранта М.С. Свирского дал его научный руководитель член-корреспондент АН СССР, профессор С.В. Вонсовский.

Обладая даром учёного, глубочайшей научной интуицией и большой творческой активностью, Моисей Соломонович работал как одержимый. Свой хлеб физик-теоретик добывал подчас в изнуряющих размышлениях и головокружительных по своей сложности расчетах. Постоянная работа мысли становится образом жизни, ее сутью. Он выполнил ряд фундаментальных работ по физике магнитных явлений и низких температур. Дал последовательное решение проблемы влияния атомного магнитного упорядочения в ферро- и антиферромагнетиках на характер взаимодействия между электронами проводимости. Им создана микроскопическая теория существования сверхпроводимости и магнетизма, доказана реализация в магнитных системах нового типа квантовой статистики.

В 1966 году М.С. Свирский защищает докторскую диссертацию «Вопросы квантовой теории обменного воздействия и сверхпроводимости», в которой предсказал новые механизмы высокотемпературной

сверхпроводимости за двадцать с лишним лет до экспериментального открытия этого явления. Она явилась фундаментальным вкладом в теорию твердого тела и позволила существенно расширить границы понимания обменного взаимодействия для процессов, происходящих в металлах. Таким образом он становится первым доктором наук, выросшим в стенах в ЧГПИ. После защиты М.С. Свирский был награжден орденом «Знак Почета». В 1967 году ему присвоено звание профессора.

Вместе с такими маститыми учеными, как М.Я. Азбель, В.Л. Бонч-Бруевич, Б.Т. Гейликман, Б.Г. Лазарев, Д.Н. Зубарев, Ю.А. Изюмов, М.И. Каганов, Д.А. Киржниц, Н.В. Тимофеев-Ресовский и др., Моисей Соломонович принимал активное участие в работе знаменитой «Коуровки» – уральской школы физиков, созданной академиком С.В. Вонсовским, а также оказывал ему большую помощь в ее организации, став настоящим другом и соратником.

С 1962 года Моисей Соломонович 20 лет руководил аспирантурой по теоретической и математической физике. Среди его учеников, кандидатов физ.-мат. наук, будущие ректор Стерлитамакского пединститута М.Г. Хамидуллин, проф. кафедры физики Шуйского пединститута Э.В. Сергеев, основатель кафедры теоретической физики ЧелГУ А.Г. Шкловский и другие. Кроме того, с 1963 года 35 лет руководил М.С. Свирский секцией теоретической физики научного общества учащихся при Дворце пионеров и школьников. Он умел объяснять сложнейшие проблемы физики доступным языком, приобщая детей

к науке. Среди его воспитанников, например, будущий астрофизик, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР Н.Н. Горьковый.

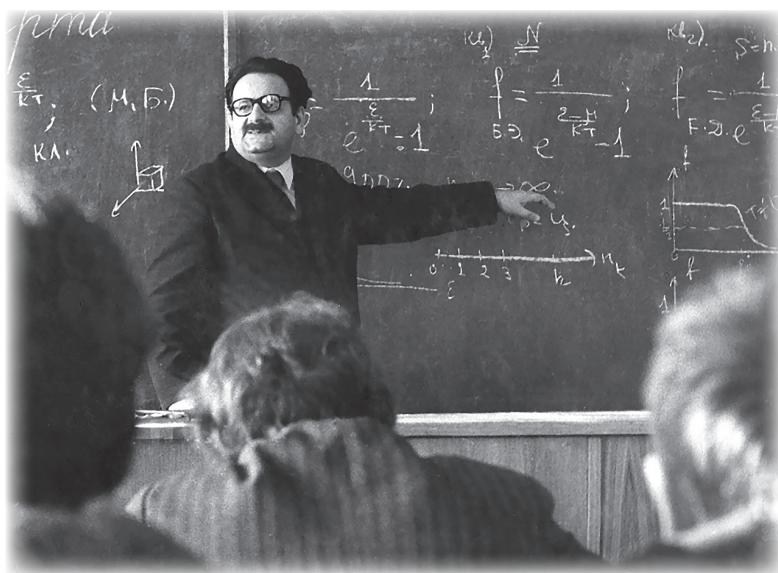
В 1972 году в Южно-Уральском книжном изда-
тельстве тиражом 1000 экземпляров вышло учебное
пособие М.С. Свирского «Электронная теория вещества». Книга быстро разошлась среди институтов, по-
лучив высокую оценку.

В 1980 году в изда-
тельстве «Просвещение» ти-
ражом уже 22 000 экземпляров вышло 2-е дополненное
издание «Электронной теории вещества». Ведущий
научный сотрудник Института физических проблем
им. П.Л. Капицы, проф. МГУ М.И. Каганов, увидев
ее на полке московского книжного магазина, сказал:
«Эта книга должна стоять не в отделе «Просвещение»,
а в отделе «Наука»».

Выпускники физмата ЧГПУ гордились тем, что
слушали лекции профессора Свирского, хранили
конспекты как реликвию.

Почти «на пальцах», как волшебник,
Любой эффект изложит он,
И будет счастлив собеседник,
Усвоив непростой закон.
Он про статистику и спины
Простым расскажет языком,
Включив в расчеты величины
С «хорошим» квантовым числом.

О его педагогическом искусстве газета «Вечерний Челябинск» от 9 февраля 1983 года также писала:

«На лекции профессора М.С. Свирского студенты ходят с особым удовольствием. Он умеет рассказать о квантовой механике и электронной теории вещества так интересно, что любой детектив меркнет в сравнении».

Шаг за шагом обучающиеся совершили восхождение к вершинам современной физики элементарных частиц. Для них проф. Свирским также были разработаны спецкурсы «Вопросы квантовой теории магнетизма и проводимости», «Атомы и атомные системы», «Теория флуктуаций». Он вел кружок теоретической физики по темам «Нелинейная электродинамика», «Мезоатомы» и др. Все лекции Свирского были открытыми. Его курс по квантовой механике прослушал и законспектировал даже ректор ЧГПИ С.В. Шулепов, крупный специалист по физике углеродитовых мате-

риалов. Руководитель научной школы, доктор физико-математических наук, профессор, он высоко ценил фундаментальность этого Учёного с большой буквы. Интересно отметить, что Свирский был настоящим экспертом по всем дисциплинам кафедры: мог читать лекции по любому курсу, заменив, например, заболевшего преподавателя. Более полувека он стоял у доски на протезе высотой 93 сантиметра, и мало кто догадывался о том, чего ему это стоило. Над рабочим столом Свирского висел портрет Альберта Эйнштейна – подарок выпускников в знак глубокой благодарности и уважения к своему Учителю и веры во вдохновляющую силу изображенного на нем выдающегося физика-теоретика XX столетия.

Значительное место в учебной и научной работе кафедры было связано с астрономией и астрофизикой. Усилиями Свирского и Шулепова осуществлено строительство и открытие в 1988 году на территории вуза астрономического комплекса. С 1989-го там проводятся учебные занятия, читаются спецкурсы, работают кружки, организуются экскурсии и сборы победителей олимпиад.

Летом 1990 года осуществилась полувековая мечта Моисея Соломоновича: ступить на австралийскую землю, где жил второй его брат Бецалел. Там он не только смог увидеться с ним и его семьёй, но и выступил с докладом в университете г. Мельбурна по проблемам теории сверхпроводимости.

В семейной жизни Моисей Соломонович был любящий муж, заботливый отец двух дочерей, Людмилы и Эллы. Обладая абсолютным слухом, в часы досуга он

////////// Девять фронтовых судей //////////

С супругой Азой Сергеевной

С дочерью Людмилой и внуком Львом

великолепно играл на скрипке и фортепиано, мог перевести с иностранных языков не только научные статьи, но и зарубежные сказки своим детям. Обе дочери, как и родители, посвятили себя науке. Одна из них с 1979 года по сей день трудится в родном вузе – Людмила Моисеевна Свирская прошла здесь путь от ассистента до доцен-

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

та. Последователь отца, она читает лекции по квантовой механике, физике твердого тела; физике атомного ядра и элементарных частиц; ведет спецкурс «Квантовая механика на компьютере». Она кандидат физико-математических наук, научные интересы связаны с применением обобщенного уравнения Гамильтона–Якоби в квантовой механике. Кроме того, дочь унаследовала музыкальный талант отца, который смогла передать и его замечательному внуку, Льву, так похожему внешне на деда.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

АКАДЕМИК РАЕ

В 1995 году Моисей Соломонович Свирский избран действительным членом Академии естествознания. Он являлся отличником народного просвещения, заслуженным работником высшей школы РФ, почетным работником высшего профессионального образования РФ, заслуженным деятелем науки и образования, лауреатом форума «Общественное признание».

На столетии со дня рождения академика Моисея Соломоновича Свирского в 2023 году в память о нём со сцены актового зала вуза звучали такие строки:

Был истинным он рыцарем науки,
Дышал он ею – этим счастлив был,
Жизнь микромира и Вселенной звуки
В научную симфонию вложил.
И этот вклад его весом и вечен,
Значительным был этот Человек,
Столетием двадцатым он отмечен,
Пусть помнит это двадцать первый век!

...И такие, написанные внуком учёного – Львом Думиным:

К 100-летию деда

Стихи слагаю я в честь деда,
Легендой он при жизни стал.

Внук учёного на 100-летии деда в вузе. 2023 год

Звездой его была ПОБЕДА,
Путей он лёгких не искал.

Взгляд мудрый и предельно ёмкий,
Глядит на нас с портрета он,
А голос дедушки негромкий
Звучит для нас как камертон.

Мне время б обратив, в надежде
Увидеть снова деда взор,
Всё кажется, сидит, как прежде,
Рисуя формул свой узор.

И пусть сейчас его нет с нами,
Оставил он глубокий след
Своими добрыми делами.
Он как живой, любимый дед!

Ушёл из жизни Моисей Соломонович 18 февраля 2010 года, до последнего дня оставаясь верным науке. Провожали его залпами орудий – так солдаты отдавали последние почести ветерану, награжденному орденами Отечественной войны I и II степени, орденом «Знак Почёта», медалью Жукова – всего 12 медалями за воинские и трудовые заслуги.

Ученым оставлено полторы сотни научных работ в престижных отечественных и зарубежных из-

Прощальный залп. Февраль 2010 года

даниях, результаты его трудов носили эвристический характер и всегда востребованы мировым научным сообществом – жизнь открывала перед ним широкие перспективы, поступали предложения, но Моисей Соломонович Свирский сохранил не только свои «челябинские координаты», он не покинул родной вуз, даже когда в городе был открыт классический университет; будучи инвалидом Великой Отечественной войны не променял Урал на теплые страны, где нет снега и можно было ходить, не проваливаясь протезом в сугробы и не скользя в гололёд. Он всегда был самоотверженным человеком и оставался верен ставшему родным Челябинскому педагогическому университету – таковым и остается в нашей памяти.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ВСЁ, – ВЛАДИМИР АНТРОПОВ

СТАНОВЛЕНИЕ

Владимир Михайлович Антропов родился 19 октября 1925 года в г. Старобельске Луганской области Украинской ССР. Его родители имели дворянское происхождение, о котором в советское время упоминать было не принято.

В 1930-е годы семья переехала на Урал, куда был переведён по службе его отец, Михаил Иванович, стремительно поднимавшийся тогда по карьерной лестнице, впоследствии занявший должность прокурора Советского района г. Челябинска. Супруга, Валентина Дмитриевна, и младший сын, Володя, повсюду следовали за ним. Старший сын был убит на гражданской войне, дочь эмигрировала в Париж, и связи с ней оказались потеряны. Из-за постоянных переездов семьи Володя учился в разных школах сначала в Свердловской, а затем Челябинской области.

Семнадцатилетним юношей, не получив аттестата зрелости, окончил курсы радиостов в Свердловске и ушёл на фронт в качестве связиста 20-го танкового корпуса, где в составе 2-го и 4-го Украинских фронтов под командованием И.С. Конева и Ф.И. Толбухина сразу оказался в самом пекле жарких боёв осени – зимы 1943 года в районе Правобережной Украины. На фронте принят в ряды комсомола. В декабре Владимир был тяжело ранен, контужен и до мая

1944-го лечился в госпитале г. Полтавы Харьковской области. Будучи признанным по состоянию здоровья непригодным к воинской службе, он вернулся домой на Урал.

Даже спустя годы, став историком и досконально зная события Второй мировой войны, никогда не рассказывал солдат о «своей войне», и, хотя был на фронте достаточно недолго, следы тяжелого ранения давали знать до конца жизни.

Восстановившись в 1945 году для учёбы в средней школе г. Челябинска и получив аттестат о её окончании, осенью 1946 года молодой фронтовик уезжает в Москву и становится студентом исторического факультета лучшего вуза страны – МГУ им. М.В. Ломоносова. Все послевоенные тяготы полу-голодной и необустроенной жизни были хорошо знакомы Владимиру. По своей природе он был человеком весьма скромным – блестящая память, ответственное отношение к учебе, дипломная работа, защищенная у академика Е.В. Тарле, – лишь малые дошедшие до нас сведения о его студенческой поре. Но известно, что любовь к Москве, доскональное знание столицы, истории её улиц и достопримечательностей; преданность своим со курсникам, постоянную дружескую связь с ними пронёс Владимир Михайлович через всю свою жизнь.

С 1951 по 1961 год после успешного окончания МГУ по распределению В.М. Антропов преподавал политэкономию в химико-технологическом техникуме подмосковного города Рошаля. Именно здесь приобрел он глубокие знания химии и экономики – к ним,

наряду с историей, он всегда сохранял большой интерес. Молодой преподаватель горячо включился в общественную жизнь ссуза, вёл кружки по различным предметам и в 1959 году получил рекомендацию и вступил в члены КПСС.

ДОЦЕНТ ЧГПИ

После смерти отца в 1960 году Владимир Михайлович принимает решение навсегда вернуться на вторую родину – Урал, в Челябинск: будучи всегда чутким и заботливым сыном, своим возвращением хотел поддержать овдовевшую мать. **Начиная с 1961 года его судьба навсегда связана с Челябинским государственным педагогическим институтом.** Приступив к работе в качестве ассистента на кафедре марксизма-ленинизма, уже через год, в связи с освободившейся вакансией, он был переведён на кафедру всеобщей истории, где проработал почти 35 лет (до конца своей жизни в 1996 году).

Заведующий кафедрой доцент А.А. Адамович рекомендовал тогда молодого талантливого ассистента в аспирантуру. Темой научных исследований стала экономическая история Англии в новейшее время. Владимир Михайлович занимался ею параллельно с преподаванием курса истории стран Азии и Африки. В 1967 году институт направил его в годичную аспирантуру в “alma mater”, где ему довелось общаться с академиком И.В. Майским. По окончании её Владимир

Михайлович блестяще защитил диссертацию на тему «Экономическая политика английского правительства в 1931–1935 годах» на научном совете исторического факультета МГУ, а 29 марта 1968 года получил ученую степень кандидата исторических наук.

Продолжая трудиться на кафедре всеобщей истории ЧГПИ, разработал сложнейший курс новой и новейшей истории стран Азии и Африки, читал спецкурсы по истории экономики Англии, а также по истории Второй мировой войны. В 1976 году Владимиру Михайловичу Антропову была присвоена ученая степень доцента.

Как научного исследователя его отличали нестандартность мышления, отказ от традиционных стереотипов рассмотрения исторических и экономических процессов. Владимир Михайлович придавал большое значение изучению фактологических данных, считая неприемлемым установление общих закономерностей в истории, которое, на его взгляд, вело к искажению понимания событий, а значит, и самих фактов. Признавал роль и влияние отдельной личности, случайных факторов на исторический процесс в целом. В условиях существования в советской науке монополии марксизма и классового подхода его взгляды не вписывались в существующую схему изучения истории. Они были более близки к взглядам западных исследователей, за что Владимир Михайлович не раз

подвергался критике. Но даже в условиях идеологизации всегда оставался объективным и думающим историком.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сфера научных интересов В.М. Антропова была тесно связана с изучением истории экономики Англии новейшего времени. Свою докторскую диссертацию он посвятил анализу валютных кризисов в Англии XX века. В 1980–1990-е годы, не раз делая запросы для получения информации о деятельности как американского Федерального Резервного банка, так и Международного валютного фонда, получал необходимую информацию. Ученый признавал большую роль денежного фактора, влияющего на ускорение или замедление развития экономики. Владимир Михайлович фактически собрал материал для написания докторской диссертации.

Апробацией его исследований стали научные статьи, которые печатались в кафедральном сборнике «Некоторые вопросы всеобщей истории», в солидных исторических журналах «Вопросы истории», «Новая и Новейшая история», а также в сборниках кафедры политической экономии. Вчитаемся в названия некоторых из них: «Экономические последствия девальвации фунта стерлингов в 1931 году», «Отказ Англии от золотого стандарта и валютная полити-

ка английского правительства в 1931–1935 годах», «Валютный кризис 1931 году в Англии», «Переход Англии к протекционизму и расширение системы имперских преференций», «Кризис резервных валют», «Экономическая стратегия Модлинга – неудачная попытка укрепить фунт стерлингов», «Валютное положение Англии в 1966 году», «Девальвация фунта стерлингов в 1967 году», «Ревальвация марки в ФРГ в 1969 году», «Роль рынка евродолларов в развитии валютного кризиса 1971 года», «Фунт стерлингов в 1968–1972 годах», «Роль банков в финансировании экономического развития Японии», «Государственное регулирование форвард-валютного рынка в Англии», «Фунт стерлингов в 1972–1974 годах», «Развитие денежной системы Англии», «Проблемы социально-экономического развития Западной Европы в период империализма» и т.д.

Наряду с этим Владимир Михайлович вёл большую общественную просветительскую работу, постоянно выступая с докладами не только на научных конференциях, но и перед коллегами на кафедре политэкономии (это объяснялось интегративным характером исследуемой им темы), а также перед коллегами-историками, терпеливо и обстоятельно разъясняя суть современных исторических и экономических процессов. Участвовал в выездных семинарах, выступая перед учителями отдаленных районов Челябинской области.

Начиная с середины 1960-х до середины 1990-х годов, в которые вместились и конец «оттепели», и унылый «застой», и коварная «перестройка», и, наконец,

«окаянные девяностые» с их крушением СССР и становлением современной России, его статьи постоянно появлялись на страницах местных газет «Вечерний Челябинск» и «Челябинский рабочий», помогая читателям сохранять оптимизм и разбираться в сложных политических и финансовых вопросах. Названия публикаций говорят сами за себя: «Выбраться из пропасти можно», «Нужна ли денежная реформа», «Инфляция парализует нашу экономику», «Мы нищие в самой богатой стране», «Не теряйте оптимизма», «Цена эксперимента» и др. Вместе с тем в газете «Молодой учитель» он вёл постоянную рубрику «Кто убил рубль?».

Далеко не все тогда, даже среди высокообразованных людей, могли понять сущность событий и общественных процессов, далеко не все умели оставаться столь цельными и независимыми, как Владимир Михайлович Антропов. Откуда такая независимость?.. «Благородные» дворянские корни, о которых он умалчивал?.. Суровый фронтовой опыт?.. Великолепная школа Московского университета?.. Без сомнения, всё это вместе взятое и многое другое, повлиявшее на формирование этого человека. Но было ещё одно качество – отсутствие конформизма. Он не шёл на сделку с совестью в научной работе, когда вне «классового подхода» исследовал валютные проблемы Англии 1930-х гг., был верен себе и в преподавательской деятельности, когда объективно излагал историю стран Азии и Африки. Молодёжь, восхищённую его эрудицией и интеллектом, он более чем устраивал.

Владимир Михайлович с честью прошёл свой путь как независимый, неконформистский, интеллигентный и благородный человек, обладающий потрясающей харизмой.

ПЕДАГОГ И НАСТАВНИК

Великолепно владея методикой преподавания и прекрасно зная школу, он был прирождённым учителем и наставником молодёжи и в учёбе, и на педагогической практике, и в жизни.

О его лекциях и семинарах ходили легенды. Открывая слушателям загадочный Восток, тайны Древнего Китая, он рисовал яркие образы правителей, картины истории династий и государств. В совершенстве владея курсом по истории стран Азии и Африки, изобилующим огромным количеством труднопроизносимых имен и географических названий, Владимир Михайлович терпеливо и настойчиво добивался их знания от обучающихся. Всегда стремился к формированию у каждого из них личного отношения к историческим деятелям и событиям, расширению кругозора и интереса к обучению. Владимир Михайлович старался вовлечь молодёжь в самостоятельное изучение истории Азии и Африки. Студентам давался список стран для подготовки докладов и предлагалось выступить перед сокурсниками. При этом педагог внимательно следил за подготовкой каждого сообщения и, что всегда удивляло, помогал каждому докладчику необходимой литературой.

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

Любопытно проходили и семинарские занятия старшекурсников под его руководством, а начинались они всегда со следующей «разминки»: «Назовите 10 индийских фамилий или 10 китайских провинций», – предлагал Владимир Михайлович одному из присутствующих... и, чтобы не оплошать, студентам приходилось прилагать все усилия, но учить. Антропов был сторонником зурбажек по японскому образцу, причём практикой доказано, что это срабатывает: выпускникам до сих пор помнится то, что, казалось бы, невозможно запомнить. С любовью и благодарностью студенты писали о нём:

Под стук там-тама и шум вод Ганга
Несло нас упрямо восточное танго.
Бихар и Орисса, Юнань и Шаньдун
Нам так не давались, терзали наш ум.
Америка нам не нужна и Европа,
Коль Азия, Африка есть и Антропов.

Или:

Что дело очень тонкое – Восток,
Понять Антропов нам помог!
Владимир Михайлович, мы с Вами
Весь Атлас Азии познали,
Провинций Индии, Китая, –
Всё два семестра повторяя.
Хотя запомнить тяжело,
С востоковедом нам везло!

В вузе Владимир Михайлович слыл «человеком-легендой» и «титаном науки» – потрясающе талантлив, требователен, но вместе с тем бесконечно обаятелен и добродушен, поражал своей эрудицией и огромной любовью к преподаваемому предмету. Всегда с улыбкой, неспешно входил в аудиторию, садился за кафедру, начинал лекцию, и старшекурсники, словно завороженные, отправлялись вместе с ним в путешествие по экзотическим странам Востока и, хотя соответствовать такому уровню эрудиции было практически невозможно, многие из студентов стремились.

Обладая великолепной памятью и опытом, преподавал Владимир Михайлович, совершенно не пользуясь записями, позволяя себе зачитывать из источников лишь отдельные меткие цитаты. Учил студентов трепетному и бережливому отношению к книге, умению собрать историческую библиотеку, способствовал развитию широты их интересов. Будучи в курсе всех современных исторических процессов, происходивших не только в странах Востока, но и Запада, В.М. Антропов старался помочь обучающимся и даже коллегам понять происходившие события, проанализировать факты, давая порою нестандартную, отличную от официальной точки зрения, аргументированную оценку. Делая это всегда с без какого-либо назидательного или поучающего тона, никогда не демонстрируя своего превосходства, он старался поднять собеседника до высокого уровня познания, поэтому по-настоящему был любим и уважаем и студентами, и коллегами. Это был поистине энциклопедически образованный человек, который великолепно знал не

только зарубежную, но и отечественную историю, политическую экономию, химию, классическую и современную литературу. Его любимыми писателями-классиками были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь.

Увлекался он и зарубежной литературой, особенно детективами, искренно радуясь каждой новинке этого жанра. В условиях тотального книжного дефицита и невозможности зачастую достать детективы на русском языке, Владимир Михайлович читал их в оригинале, великолепно владея английским. При этом обязательно делился своими впечатлениями о книгах с окружающими его друзьями и коллегами. Наряду с историческими журналами Владимир Михайлович выписывал научно-популярный журнал «Химия и жизнь», говоря о себе полусерьёзно и полушути: «Больше всего на свете я люблю химию и жизнь». **За широту интересов в институте был прозван «Человеком, который знает всё».**

Как-то на выпускном вечере Владимиру Михайловичу был задан вопрос: «Каких студентов он больше любит – талантливых или усердных?». На что со свойственной ему лучезарной улыбкой ответил: «Лишь бы человек был хороший».

Будучи куратором, постоянно посещал студенческое общежитие, проявляя отеческую заботу, сопререживание и оказывая посильную помощь, например, в подготовке политинформации на злободневную тему, либо разъяснении сложных вопросов истории, либо просто искренне делился жизненным опытом. Причём делал это не потому, что некоторое время был заместителем декана по воспитательной работе в общежитии, а потому, что **это было внутренней потреб-**

ностью его души, неотъемлемой частью его сущности. Студенты чувствовали это и на любовь отвечали любовью. Проживая с матерью, трепетно заботясь о ней все её последние годы и, конечно, посвящая себя без остатка любимой работе, своей семьи Владимир Михайлович так и не создал: **его семьёй был вуз.** Он всегда сохранял связь с выпускниками факультета, находился в курсе судеб многих из них; встречаясь и переписываясь, неизменно помогал в профессиональном становлении.

С учениками и последователями

ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ...

Внешне Владимир Михайлович запомнился человеком крупным, высокого роста, с короткой стрижкой, обладающим по-восточному ласковым голосом и очаровательной улыбкой с ямочками на щеках. Мягкий и вместе с тем проницательный взгляд, перед которым студенты робели и трепетали. Большой, неуклюжий, старомодный, Антропов напоминал образ Пьера Безухова. При своих немалых размерах всегда как-то незаметно, как бы извиняясь, появлялся в аудитории, начинал своё повествование, и урок превращался в искусство, студенты становились его благодарными слушателями. Они отзывались о нём словами Анны Ахматовой, которые можно применить к описанию его характера:

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
И он его со всеми разделил.

«Вечное детство» тут – это отнюдь не инфантильность, а сохранение до поздних лет свежести восприятия мира. Людям редко удается сквозь житейские перипетии донести до старости эту свежесть, это удивление, это жизнелюбие. Своим примером служения науке пробуждал жажду познаний. Его доброжелательность и деликатность были поразительными. Обладая могучим интеллектом, никогда не позволял себе показать свое превосходство

и дать почувствовать студентам всю ничтожность их познаний. Энциклопедический ум и феноменальная память, и не только на даты, события, факты: он помнил всё! Имена и фамилии студентов, которые учились у него. Помнил имена детей и мужей, кто, где работает, какие у кого проблемы. Его интерес был искренним и неподдельным, поэтому людям хотелось рассказывать о себе...

Владимира Михайловича отличала предельная честность и открытость к диалогу, был очень общительным и отзывчивым, казалось, не было в вузе того человека, которого бы он не знал. Любитель «сладень-кого», был завсегдатаем на праздниках многих кафедр, постоянным участником дружеских творческих пятниц в редакции «Молодого учителя» и других мероприятий. Эмоционально высказывая свои мысли, мог ввязаться в спор, непременно уважая при этом чужую точку зрения.

Его поведение и взгляды не укладывались ни в какие стандартные нормы. Был человеком активной гражданской позиции, преподавателем, куратором, всегда имеющим свою точку зрения, свои представления, которые не боялся высказывать открыто.

Черты характера Владимира Михайловича: это – природная застенчивость и чувство собственного достоинства, это – доброта и требовательность, это – независимость и твёрдость, которые проявлялись,

например, в невозможности заставить его выполнять не интересное для него дело... Всегда был образцом интеллигентности. Хотя в его манере одеваться было трудно различить интеллигента: всегда ходил без галстука, вместо шляпы или берета носил обычную кепку – **его интеллигентность проявлялась в другом: Владимир Михайлович умел прощать студентов, не был злопамятным, ни с кем не сводил счеты; ни разу никто не слышал, чтобы он повысил голос; кураторство и наставничество осуществлял очень тактично, ненавязчиво.** Никогда не носил заслуженных наград, а был удостоен Почётного знака Министерства просвещения СССР «За отличные успехи», юбилейных медалей участника Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Неизменная улыбка на его лице всегда излучала добро, мудрость и человеколюбие.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

ДВЕ ЯРКИХ ЖИЗНИ ОДНОЙ КОРОТКОЙ СУДЬБЫ. ИВАН СЕМЁНОВ

СИБИРСКАЯ ЮНОСТЬ

Родился Иван 26 сентября 1920 года в с. Большой Атлым Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в семье охотника, Василия Ивановича Семёнова, но брак вскоре распался, и Иван вместе с младшей сестрой, Валентиной, воспитывался матерью, Екатериной Ефимовной Евсеевой. Ещё во время учёбы в школе его увлекли уроки немецкого языка, что определило в дальнейшем выбор профессии.

Первая попытка поступить в институт в 1938 году была неудачной, поэтому в течение года Иван трудился сначала в типографии, затем в газете «Ханты-Мансийская правда». В 1939 году мечта осуществляется, и он становится студентом института иностранных языков, позже факультета иностранных языков Тюменского педагогического института.

ФРОНТОВАЯ ЖИЗНЬ

После окончания Иваном второго курса вуза в судьбу врывается жаркий июнь 1941-го – война меняет все планы. Прекратив обучение, он уезжает

в пос. Черный мыс Сургутского района, откуда, отказавшись от брони (Крайний Север), про- работав лишь два месяца учителем иностранного языка, биологии и физкультуры, уходит добровольцем на фронт, записавшись в лыжный отряд, формированый по инициативе ЦК ВЛКСМ. **Окончив школу младших командиров, И. Семёнов получил под свое начало саперное отделение и в составе 282-й Сибирской стрелковой дивизии прибыл на фронт в район Старой Руссы.**

В январе 1942 года под с. Горчицы, недалеко от Демьянска, в составе 11-й армии Северо-Западного фронта он принял свой первый бой. Из шестистрельных реактивных минометов немцы сожгли тогда все наши машины – пришлось стать просто разведротой. Бойцами был взят пленный, допрашивать его было некому, и тогда комсорг роты, вспомнив, что Иван изучал немецкий язык, порекомендовал его начальству. **Так определилась его фронтовая жизнь – согласно изданному тогда приказу И.В. Семёнов был назначен военным переводчиком.**

Знаний иностранного языка вначале не хватало – он и пленные почти не понимали друг друга. Но военный закон строг – их закрывали в комнате и не выпускали, пока Иван не добудет информацию. Приходилось нелегко: язык необходимо было осваивать на ходу, отыскав учебники и словари. На овладение был отве-

|||||||||||||| Девять фронтовых судеб ||||||||||||

ден всего месяц. Фактически сами пленные тогда и помогали ему в изучении.

Во время одной из разведывательных операций у деревни Сомшино, когда немцы совершали сильный миномётный налёт, а разведгруппа, в составе которой был Иван, шла выполнять боевое задание, местность между двумя реками подверглась обстрелу. Разведчики хотели укрыться и дождаться темноты, но немцы обнаружили их. Рядом с Иваном разорвалась мина, а когда дым рассеялся, его не оказалось рядом с товарищами. Во время взрыва Ивана отбросило на несколько метров в сторону, он был тяжело ранен, а контузия оказалась настолько сильной, что однополчане вначале приняли Ивана за погибшего. Но тогда ему суждено было излечиться и выжить – судьба берегла его.

Вернувшись к обязанностям разведчика и военного переводчика, по-прежнему занимая должность помощника начальника разведки дивизии, в конце войны он имел звание старшего лейтенанта и стал помощником начальника разведки по информации стрелкового корпуса.

Освобождая от фашистов родную страну, он участвовал во многих важнейших сражениях, а затем в боях за Польшу и Германию. После штурма Кёнигсберга корпус был переброшен в район Нижнего Одера для охраны побережья. Тогда, хоть и стало известно о событиях в Берлине, и все ожидали конца войны, и настроение было приподнятым, обстановка по-прежнему оставалась тревожной.

Но ничто не сравнимо с радостью победы – весть о капитуляции Германии была встречена с таким

воодушевлением, какое можно почувствовать только раз в жизни. Самые яркие впечатления Ивана Васильевича были связаны с освобождением в мае 1945 года более сотни женщин разных национальностей, насильно угнанных в Германию работать в имени фашистского генерала. Затем ему с двумя товарищами было поручено принимать капитуляцию немецких транспортников. И наконец бои на полуострове Хель, где одна фашистская часть отказывалась капитулировать.

За ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны Иван Васильевич был награжден орденом Отечественной войны II степени (1944), орденом Красной Звезды (1943), медалями «За отвагу» (1942), «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и др. С гордостью носил знак «Ветеран 11(16)-й гвардейской Краснознаменной Армии».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

После войны Иван Васильевич еще год находился в Польше, занимая должность начальника отдела военно-политической информации Северной группы войск, и только демобилизовавшись, в сентябре 1946 года, возвратился в родные края, в г. Ханты-Мансийск. В течение пяти лет, до ноября 1951 года, Иван Васильевич работал заместителем начальника школы юнг Минрыбпрома СССР. Заведовал учебной частью, там вступил в ряды КПСС.

///////// Девять фронтовых судей //////////

Боевые друзья в 1945-м и годы спустя...

Красавец, с шапкой густых кудрявых черных волос, за которые получил характерное прозвище Цыган, он участвовал в общественной жизни и художественной самодеятельности, обладал замечательными вокальными данными, прекрасно пел, чем расстревожил не одно женское сердце. **В 1947 году он встретил и полюбил красивую девушку Зою, уроженку с. Миасского Челябинской области.** В Ханты-Мансийске ее семья оказалась в результате раскулачивания и репрессий. Молодые люди поженились, здесь родились три их дочери.

ЧЕЛЯБИНСК

В 1951 году, после реабилитации родных жены, вся семья переехала в г. Челябинск. Иван Васильевич устроился на работу учителем немецкого языка в школы рабочей молодёжи № 9 и 12, а затем, с 1954 по 1961 год, был директором первой из них. Запомнился талантливым учителем и добросовестным руководителем школы. В эти же годы параллельно окончил сначала исторический факультет Челябинского пединститута (1954), затем факультет иностранных языков Свердловского пединститута (1964). Он неустанно работал над повышением своей квалификации, внимательно и постоянно знакомился с новинками методической литературы, вел семинар текущей политики, занимался идеально-воспитательной работой, поддерживая связь с общественными

организациями, выступал с докладами и лекциями. С 1956 по 1958 год избирался депутатом райсовета депутатов трудящихся г. Челябинска.

НОВАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ – ЧГПИ

В 1958 году Иван Васильевич устраивается на работу по совместительству на кафедру всеобщей истории Челябинского государственного педагогического института почасовиком. Так, с 1960-х годах начинается новая страница его жизни: **несмотря на большое сопротивление со стороны органов образования, он уходит с постадиректора школы и с 1961 года становится ст. преподавателем кафедры всеобщей истории ЧГПИ.** В заявлении о принятии на работу он пишет: «Приложу все силы и старания, чтобы справиться с этой большой и ответственной работой».

Приобретя богатый опыт в школе, он с полным правом начинает делиться им, вкладывая свой труд, энергию и талант в сложный вузовский процесс подготовки будущих учителей.

Отлично справляясь с поставленной перед собой задачей, уже в 1962 году Иван Васильевич назначается заместителем декана историко-филологического факультета. Постепенно становится ведущим преподавателем курса истории средних веков. Он читает лекции, проводит занятия по данному курсу, а также разрабатывает семинарские занятия по новой и новейшей истории, читает спецкурсы и по все-

общей истории, руководит педпрактикой студентов. Для обучающихся по специальности «история на немецком языке» Иван Васильевич разрабатывает и проводит отдельные занятия по новой истории на немецком.

В эти же годы И.В. Семёнов активно занимается научным исследованием и пишет диссертацию по теме: «Борьба рабочего класса Рура под руководством Коммунистической партии Германии против реакции и фашизма в годы экономического кризиса (1929–1933 годы)». После годичной аспирантуры в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской в 1965 году, 29 декабря 1966 года он успешно защищает кандидатскую диссертацию.

В 1967 году Семёнов назначается заведующим кафедрой всеобщей истории, а в 1968-м становится доцентом. В течение 11 лет руководил он кафедрой, сочетая высокую требовательность к себе и подчиненным. Совершенно неприемлемыми были при нём недобросовестность и безответственность. Вместе с тем он был тонким политиком, всегда умел поддержать преподавателя и, если надо, защитить его в деканате, парткоме, ректорате. Выражал свое мнение всегда деликатно, с тонким юмором и большим уважением к людям. Он был прекрасным наставником молодых преподавателей: помогал им в теоретической и методической подготовке, посещал их лекции, семинары, анализировал и консультировал. Под его началом всегда чувствовалась поддержка, а значит, приобреталась уверенность. В условиях острого дефицита специальной литературы он щедро делился с молодыми колле-

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

гами ценными книгами из своей богатой домашней библиотеки.

Был интересным и притягательным человеком – к нему тянулись и коллеги, и студенты, с ним хотелось общаться, вместе с тем умел держать и дистанцию, не допуская панибратства. Постоянно совершенствовал работу кафедры и организацию учебного процесса. Он настолько грамотно руководил, что кафедра трудилась тогда, как единый энергичный, постоянно развивающийся коллектив, находящийся в постоянном творческом поиске. Успешно решалась проблема совершенствования научного и методического уровня преподавания всех членов кафедры. На заседаниях регулярно обсуждались теоретические вопросы методологических основ читаемых курсов, проблемы историографии, публикации научных трудов. Им был организован и постоянно действующий теоретический семинар.

Постоянно стимулировал исследовательскую работу. Ежегодно издавались кафедральные сборники научных трудов преподавателей «Некоторые вопросы всеобщей истории». Все члены кафедры участвовали в научных форумах, в том числе в международных конференциях и симпозиумах. Работы преподавателей публиковались в межвузовских сборниках и центральных издательствах.

Плодотворно занимался научной работой – был известен как крупный ученый-германист. Его труды получили широкий отклик в кругах научной общественности нашей страны и за рубежом. Их по достоинству ценили, например, специалисты ГДР.

Занимаясь проблемами антифашистской борьбы в Германии, он вел научные исследования в рамках комиссии историков СССР и ГДР, участвовал в проводимых ею конференциях, встречах, публиковался в их научных сборниках. Выступал с докладами он и на межвузовских научных конференциях Москвы, Вологды, Воронежа, Ижевска, Львова. Темы их были различны, например: «Из истории интернациональных связей Урала и ГДР», «Западногерманская историография об участии КПГ в движении Сопротивления в Руре и на Нижнем Рейне», «К вопросу о кризисе германской социал-демократии в 1931–1933 годы» и пр. Всю свою жизнь он боролся против фашизма: в 1940-е – на войне, а в мирное время – на идеологическом фронте.

Им велась подготовка докторской диссертации на тему «Участие рабочего класса Германии в антифашистской борьбе в 1933–1945 годы». Материалы ее были одобрены кафедрой новой и новейшей истории МГПИ им. В.И. Ленина и сектором новейшей истории капиталистических стран АН СССР. В этой работе ему существенно помогла научная командировка в ГДР, где он, зная язык, смог познакомиться с архивными документами и публикациями немецких ученых. В рамках этого исследования в 1981 году им было выпущено пособие «Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии (1933–1945 годы)», получившее резонанс в научных и общественных кругах.

Он стал маститым преподавателем. Блестящий ум, научная эрудиция, изумительная речь, высокая культура, интеллигентность, благородство, умение

влюбить в историю – всё это делало его незаурядной личностью. Его стараниями в учебной работе кафедры стали активно разрабатываться темы по истории культуры. Сам он разработал и вел специальный семинар по теме «Западноевропейская культура эпохи Возрождения». Здесь проявилась его необыкновенная щедрость: коллеги и студенты использовали ценные издания редких альбомов по художественной культуре из его библиотеки.

Преодолев огромные препоны, ему удалось поездка в Италию. После неё он с упоением рассказывал об увиденных шедеврах античной и средневековой цивилизаций, что весьма обогатило его лекции и семинары.

Обладая большим опытом школьной работы, поддерживал тесную связь с органами народного образования и школами. Он руководил педпрактикой студентов, читал лекции для учителей в Челябинском институте повышения квалификации работников образования. Под его руководством преподаватели кафедры регулярно участвовали в проведении семинаров для учителей сельских и городских школ области, они выезжали в районы читать лекции, участвовали в обсуждении открытых уроков, чем оказывали ценную профессиональную помощь. **Неслучайно Иван Васильевич Семёнов был награждён знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».**

Большое внимание тогда уделялось воспитательной работе. Семёнов являлся куратором студенческих групп, регулярно выступал перед ними в беседах за круглым столом, проводил КВНы, рыцарские турниры, вечера средневековой музыки, мероприятия

по военно-патриотическому воспитанию. Под его руководством активную работу вели все преподаватели кафедры, они стали зачинателями интересных традиций на факультете. Неслучайно в те годы кафедра всеобщей истории неоднократно признавалась победителем соцсоревнования в вузе.

Многие годы он был членом партийного бюро и парткома факультета и института. Возглавлял товарищеский суд. В 1982 году был избран председателем комиссии партийного контроля за деятельность администрации. Неоднократно являлся руководителем агитколлективов. Принимал участие в сельхозработах. Сыграл важную роль в жизни научного общества учащихся, образованного при Челябинском Дворце пионеров и школьников им. Н.К. Крупской.

В 1980-е годы был ответственным за организацию научно-исследовательской работы на факультете, сам активно руководил научными исследованиями студентов. За эти годы факультет трижды занимал I место в НИРС.

При общении с этим человеком поражали не только его профессиональные качества, глубокие знания в разных сферах, но и широта его натуры.

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ

Студенты и дневного, и заочного отделений просто обожали Ивана Васильевича за глубокий ум, мужество, честность, надёжность, доброжелательность и обая-

////////// Девять фронтовых судеб //////////

ние, сочетающиеся с деликатностью. Внешне он напоминал им популярного артиста тех лет Марка Бернеса. Его глаза одновременно грустные и немножко лукавые – это был взгляд настоящего учителя – всепонимающий и всепрощающий, зовущий к размышлениям и упреждающий от поспешных выводов.

Среднего роста, всегда подтянутый и элегантный, но очень

сдержаннй, он мало что говорил о себе студентам. Влюбленные в своего педагога, они пытались больше узнать о нём от старшекурсников: удавалось выяснить, что он бывший фронтовик, разведчик, переводчик. Всё это придавало особую весомость его словам и поступкам.

Хотя Иван Васильевич не принимал жестких мер, к нему на занятия нельзя было прийти неподготовленным: очень стыдно не ответить этому умному и добро-

Завкафедрой (слева направо)
первый в первом ряду

желательному педагогу с лукавой искоркой в глазах. Он уважительно относился к студентам, любил называть их по имени-отчеству. Двойки ставил неохотно, с изысканной вежливостью к провинившимся, поэтому было досадно огорчать его и хотелось скорее наверстать упущенное, чтобы изменить его мнение о себе.

Его лекции были особенными. Постоянно полная аудитория. Говорил он негромко, спокойно, никогда не повышал голос и всегда заставлял думать. На доске висели исторические карты, и он любил ходить по аудитории с указкой, показывая на них необходимое. Даже нетрудолюбивые студенты, обычно не конспектирующие, на его лекциях пересаживались на передние парты и записывали всё дословно, а дома переписывали записанное набело... На каждой его лекции освещались новые события, факты, имена, названия стран, городов, и постоянно каждое последующее занятие словно вытекало из предыдущего, подчиняясь некой упорядоченности. Возникала картина исторической реальности, то очень далекой, зовущей в глубь веков, то современной.

Органичность мира исторической науки сочеталась с высокой эрудицией и личностной стратегией преподавателя: он мыслил не только конкретными событиями в той или иной стране, а эпохами. Несмотря на то, что у Ивана Васильевича была выстроена своя система преподавания, он стремился показать глубинные пласты исторической науки, наполненной причинами и следствиями. Он учил не только мыслить, но и любить историю, которую с полной уверенностью можно назвать воплощением общечеловеческих цен-

ностей. На его занятиях можно было услышать о таких именах и событиях, о которых учебники советской эпохи умалчивали. Он показывал студентам всю суть истории: это не просто смена формаций, не только темпы экономического роста, не только смена календаря... история – это люди.

Подобные приемы формировали концентрированные и устойчивые образы, в которые были изначально заключены рациональные размышления. Неизвестные факты и имена словно обретали некие динамические свойства и звали открывать новое. На лекциях и семинарских занятиях Ивана Васильевича факты начинали осмысливаться студентами не только как нечто давно прошедшее где-то вдали от них, а как события, со своей логикой развития, важной для наших дней. Постепенно приходило понимание того, что историю в сослагательном наклонении написать невозможно, а сама она превращалась в мудрого учителя жизни.

Читая лекции, он не теоретизировал: размышляя вместе со слушателями, он учил мыслить. Для этого у него был свой особый язык, который был одновременно и ученым, и ясным. Студенты гордились, что учились у него. У многих из них хранятся конспекты с лекциями по истории средних веков и других периодов, и, готовясь к темам, уже сами учителя, они часто заглядывают в них.

На свои занятия он постоянно приносил дополнительный материал: ценные книги, картины, монеты, значки, медали и другие экспонаты разных стран и эпох. Он был настоящим коллекционером, причём

щедро демонстрирующим собранное с большим знанием дела. Его коллекция старинных монет, например, могла бы соперничать с многими музеинными. Он был одним из крупнейших нумизматов России. В его коллекции были уникальные раритеты. Обладая преподавательским даром и используя собранное, Иван Васильевич мог передать события средних и других веков всеобщей истории так, как будто сам был их очевидцем.

Девушки влюблялись в него, юноши стремились к подражанию. Особо уважали его заочники-военнослужащие, с которыми он дружил. Преклоняясь перед ним, студенты называли его доблестным Рыцарем, Учителем от Бога и даже сочинили песню, где были такие слова:

Вы для нас не просто так преподаватель,
А предмет особенной любви!

Опыт и мудрость – вот залог его популярности среди студентов. Иван Васильевич никогда не уходил от споров не только на исторические, но и житейские темы; на конференциях, чтениях и других мероприятиях никогда не сидел в президиумах – он всегда был в зале в окружении студентов.

В судьбе многих своих учеников Иван Васильевич сыграл яркую роль. Он всегда помогал им и в профессиональном становлении, и в жизненном пути. Сам очень любил жизнь во всех ее проявлениях. Будучи сильным духом, в любой ситуации он оставался порядочным, надежным человеком, уважаемым Наставником и настоящим Учителем.

НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

Как самоотверженно любил он работать, так искусно умел он и отдыхать. В доме хлебосольного, всегда элегантно одетого хозяина собирались компании друзей, где всем были очень рады. Как преклонялся он перед женщинами и умел делать им комплименты, так был строг с мужчинами. Уважал юмор, любил остро пошутить, оставаясь при этом тонким, доброжелательным и интересным собеседником. Увлекаясь русскими песнями и романсами, сам великолепно их исполнял, особенно любимыми были «Из-за острова на стрежень» и «Гори, гори моя звезда».

Знал и любил литературу, большой поклонник поэзии С.А. Есенина, он сам писал стихи. Читая книги о войне, фронтовик с горечью говорил, что всё написанное о ней не имеет общего с истиной. Но когда однажды прочитал повесть В. Кондратьева «Сашка», был потрясен: «Наконец-то стали писать правду о войне!..» Он даже отправил письмо автору и поблагодарил его за то, что тот честно показал, какой была настоящая война. В ответном письме В. Кондратьев писал ему, как важно автору мнение участника войны. Иван Васильевич хранил это письмо в домашнем архиве.

Нумизматикой был увлечен И.В. Семёнов с молодых лет. Возможно, роль в этом сыграл случай, когда по приезде с семьёй в Челябинск, в огороде бабушкиного дома, был найден клад со старинными монетами. Денежные знаки Иван Васильевич коллекционировал увлеченно, знал их историю, мог часами рассказывать о связанных с любой монетой событиях. С 1970-х го-

дов, во времена господства атеизма, он начал собирать иконы, понимая их истинную ценность. В его коллекции не было древних икон, но и имеющиеся хорошо представляли разные школы иконописи, были среди них и работы уральской школы живописи.

Любил природу, был заядлым садоводом, осенью

часто привозил в вуз налитые соком янтарные яблоки и от души угощал ими.

У него был надёжный тыл. Будучи терпеливой и мудрой, жена, Зоя Алексеевна, часто взваливала на свои плечи различные семейные проблемы. Известно, что она была талантливым человеком, великолепно рисовала. В семье сложилась интересная традиция – выпускать самодельные книги для дочерей. Мать рисовала сюжеты, а отец писал к ним стихи, в которых отражались все семейные события, нередко их содержание носило воспитательный характер, и таких книг было множество.

Повзрослев, старшая дочь, Ольга, как и отец, окончила факультет иностранных языков, защитила кандидатскую диссертацию, работает заведующей кафедрой в вузе. Средняя дочь, Людмила, – инженер-строитель, а младшая, Татьяна, – специалист в области легкой промышленности. В семье четверо внуков, двое из которых тоже пошли по стопам деда, связав свою жизнь с наукой.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

В 1985-м, в год 40-летия Победы, Иван Васильевич тяжело заболел. Он всегда ждал этот майский праздник, но на этот раз встретил его на больничной койке. Вердикт врачей был суров и неутешителен. Родные и друзья старались поддержать его, навещая в стационаре. Он интересовался делами на факультете, говорил: «Пусть лекции и семинары читают и проводят другие преподаватели, но экзамены буду принимать сам...» Но чуда на этот раз не произошло – через месяц, 25 июня, Ивана Васильевича не стало. Ему было всего 64 года... Он ушёл из жизни в расцвете творческих и научных планов. В последний путь его провожали не только коллеги, но и выпускники факультета разных лет.

На памятной доске мемориального комплекса вуза, расположенного у актового зала, на втором этаже, среди имен защитников нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, есть имя, дорогое для студентов историко-педагогического факультета 60–80-х годах XX века, – Иван Васильевич Семёнов. Он учил их своим примером быть специалистами и быть людьми.

Иван Васильевич был душой всего исторического факультета – его любили и уважали все – за его увлекательные лекции, за требовательность к знаниям предмета и, конечно, за чисто человеческие качества – мужество и благородство, отзывчивость и доброту, трудолюбие и оптимизм.

/////////////////// К 80-летию Великой Победы //////////////////

РУССКИЙ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ – ВАСИЛИЙ ЧЕТИН

ПО СТОПАМ ОТЦА

Родился Василий в новогоднюю ночь на 1 января 1922 года в деревне Дёмино Кудымкарского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области в семье Егора Ефремовича и Прасковьи Семёновны Четиных. Отец, учительствуя по деревням, брал в поездки подрастающего сына, а с 1929 года работал заведующим открывшейся дёминской начальной школы; мать три года была учителем, а начиная с войны сборщицей молока в колхозе, наблюдателем местного метеорологического пункта.

Василий пошёл по стопам отца: после окончания с отличием начальной школы и школы колхозной молодёжи поступил без экзаменов на школьное отделение Кудымкарского педучилища. Сразу стал активистом: вступил в комсомол, профсоюз, в свободное от учёбы время увлеченно занимался в оборонных кружках ГТО, ПВХО, парашютистов и плавнеристов.

В 1940 году, после окончания училища, летом работал пионервожатым, а осенью – учителем географии и ботаники, но вскоре был призван в Рабоче-крестьянскую Красную Армию.

ДЕСАНТНЫЙ БАТАЛЬОН

Попал на Дальний Восток в 1-ю роту 1-го батальона 212-й воздушно-десантной бригады. Рота была особой: все бойцы её имели среднее специальное образование; им предстояло обучиться военному и парашютному делу за 2 года и получить звания младших лейтенантов, воздушных десантников запаса. Но вмешалась Великая Отечественная война, продлив службу до победного 1945-го.

9 мая 1941 года рота была поднята по тревоге и отправлена поездом со ст. Серышево на запад в неизвестном бойцам направлении. Проехав через Улан-Удэ, Читу на Байкал, из газет узнали о распространении европейскими источниками слухов о том, что советское правительство перебрасывает военные силы с Дальнего Востока к западным границам, однако ТАСС опровергало эту информацию, сообщая: войска перемещают с целью улучшения их жилищных условий.

Объехав Байкал, прибыли в Новосибирск, где были устроены гарнизонная баня и обед в станционной столовой, и вновь звучала команда: «По вагонам!». Войска всё дальше продвигались на запад с остановками на крупных станциях для забора воды в паровозы и раздачи пищи из кухни-вагона. Наконец, 21 мая прибыли на ст. Вознесенск Одесской области. Бойцов действительно разместили в местном воен-

ном городке в хорошо обустроенных казармах с железными кроватями и столовой. Выходить в город не разрешалось. Лишь 21 июня, в субботу, многие получили увольнительные.

Василий был назначен связным с командиром взвода, жившим в городе. Вечером отправился на рекогносцировку, чтобы в случае необходимости быстро найти квартиру командира. По пути он наткнулся на фотосалон, где сфотографировался, а карточку отправил домой, в Дёмино. Всмотритесь – она сохранилась как память о последних предвоенных часах...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Ранним утром 22 июня 1941 года объявили общую тревогу, бригаду срочно вывели из военного городка, чтобы не попасть под вражескую бомбежку. В степи за рекой Южный Буг дали команду окопаться. Как десантники, они были готовы ко всему, тем более никакой информации даже у начальства не было. Бойцы долбили малыми пехотными лопатками высокую землю, чтобы обезопасить себя от вражеского огня. Василий сумел выкопать ровик длиной в половину тела и глубиной в четверть метра, в котором укрылся от пуль и осколков. После того как обстановка успокоилась, солдат вернули в военный городок на митинг, где объявили: «Началась война!».

Бригада располагалась в 300 километрах от границы, проходившей по реке Прут, восточней –

Южный Буг, бойцов расположили в лагере на его берегу. В роте, в первом отделении, Василий, если считать по росту, был 11-м, после него стоял лишь 12-й боец. Всем выдали винтовки СВТ, к ним по обойме патронов с 10 пулями со стальными стержнями для поражения брони немецких танков; хлопчатобумажные плащ-палатки образца 1914 года. Началась боевая тактическая подготовка, обучали заряжать винтовки лежа и другим действиям в бою. Местность готовили к обороне, строили аэродром. Враг приближался, и настроение солдат было воинственным – принять вызов и нанести удар по противнику, однако молодых бойцов держали в резерве.

Окопы размещались в оврагах, где били ключи, из которых брали воду. **С ключами связан первый случай, который остро пережил Василий.** Дело в том, что главный родник поставили под охрану, чтобы ночью его не отравил враг. Василию с товарищами было поручено охранять его. Сидели час... два, одолевала усталость, хотелось спать, и вдруг он почувствовал, как у него из рук отнимают оружие. Вскочил, видит – командир отделения! Оказалось, наш часовой заснул на посту. Наказание не было жестким: с неопытной молодёжью провели беседу, а Василий всё не мог простить себе эту оплошность.

Второй запомнившийся Василию случай произошёл на аэродроме, куда ходили заниматься работой и ждать прилета легендарных ТБ-3, которые были обещаны для выполнения боевых заданий. Однажды в сумерках над аэродромом показался самолёт, не разглядев «звёзд», решили – вражеский, открыли стрельбу.

бу. Самолёт, сделав круг, сел на аэродром. Выяснилось, лётчик свой: он потерял ориентир и, увидев наш аэродром, решил приземлиться, а молодые бойцы ранили его в ногу... и такое случалось.

В лагере было радио, привозили газеты и пишу в термосах. Продолжалась подготовка к военным действиям десантников. К бригаде присоединили два полка: артиллерийский и пехотный, вместе они составили 3-й воздушно-десантный корпус. Василий с товарищами были для прибывших уже инструкторами в подготовке к десантным действиям, хотя продолжали оттачивать и своё мастерство.

Когда на аэродром прилетел первый ТБ-3, Василий решил, что их пошлют в тыл врага. Но события разворачивались не так, как хотелось. В один из дней прозвучала команда: «На железную дорогу!». Сели в теплушки, на этот раз туда погрузили всё имущество бригады, включая котомки с одеждой. Направление было военной тайной. По прибытии на станцию стало ясно, что городок готовится к эвакуации. Василию запомнилось, как железнодорожники по всему вокзалу предлагали вишню в ведёрках. К тому времени солдаты получили металлические каски, и некоторые набирали ягоды прямо в них. Положили лакомство и в каску Василию, чему он был рад. Горожане звали в сады за фруктами, говорили, что иначе урожай пропадёт... Так ехали бойцы по матушке Украине на север; команду: «Разгружаться!» получили под Киевом. Здесь солдат рассредоточили, чтобы встречать немецких десантников-диверсантов, сбрасываемых на нашу территорию.

Так началась настоящая боевая полевая жизнь. Отслеживая диверсантов, бойцы тщательно скрывали себя: нельзя было зажечь даже спичку. В болотах роились назойливые комары, от них спасались под плащ-палатками, выдавали на день по пачке махорки, которую курили отпугивая насекомых.

И снова звала команда: «Собраться, вперёд!». Бойцы, укрываясь, пробирались сосновым лесом, над которым летали фашистские самолёты бомбить заводы. Осколки долетали до верхушек сосен. Срезанные ветки сыпались вниз, и солдаты пытались найти укромные места. Порой случались и довольно комичные ситуации, например, один красноармеец спрятался под корни упавшей сосны, а потом никак не мог выбраться из своего укрытия, но под бомбёжкой было не смешно, а страшно. День за днём молодые воины мужали, проходя боевое крещение.

ОТ КИЕВА К СТАЛИНГРАДУ – ОТ КИШИНЁВА ДО БЕРЛИНА

В июле 1941-го десантная бригада поступила в резерв командующего Киевским укрепрайоном генерала М.П. Кирпоноса, обороняя столицу Украины, которую летели бомбить 80 «Фокке-Вульфов». Разрывались бомбы... было жутко. Обстановка накалена... о действиях нашего десанта ходили легенды. Василию довелось участвовать также в обороне городов Остер, Конотоп.

Осенью 21 ноября он был ранен в бою за г. Тим Курской области. После госпиталя Василий Егорович направлен в 31-й запасной полк Юго-Западного фронта, с которым отступал до Сталинграда. Готовил к боевым действиям прибывшие под Сталинград маршевые батальоны.

26 декабря 1942 года он тяжело заболел туляремией, находился на излечении до начала июля 1943 года. Вернувшись в строй, В. Четин продолжал воевать командиром пулемётного отделения. **В составе 180-го гвардейского стрелкового полка 60-й гвардейской Павлоградской стрелковой дивизии в ноябре дважды форсировал Днепр:** первый раз тщетно в районе острова Хортица, второй – удачно в районе с. Булатовка. Участвовал в боях за освобождение Правобережной Украины, городов Апостолово, Никополя, Воскресенска, в форсировании Южного Буга, а также в ожесточенных боях на Днестровском плацдарме, за освобождение г. Кишинева. В 1944 году на Кишиневском плацдарме в политотделе дивизии командиру отделения сержанту В.Е. Четину был вручен партбилет.

12 января 1945 года перешли в наступление с Мангушевского плацдарма на левом берегу реки Вислы. По пути к Германии освободили Варшаву,

Лодзь и другие города Польши. Форсировали реку Одер. 16 апреля началось наступление на Берлин. Штурмовавший его до 27 апреля полк был выведен на пополнение. На этом война для Василия почти завершилась, но дивизия в составе 5-й ударной армии осталась для охраны и наведения порядка в г. Берлине.

Осенью 1945-го герой вернулся домой с многочисленными наградами: орденом Красной Звезды; орденом Отечественной войны; медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

МИРНОЕ ВРЕМЯ

В ноябре 1945 года Василий Егорович приступил к мирной профессии учителя. А в августе 1946-го молодой фронтовик стал студентом истфака Пермского пединститута. Активный участник общественной жизни факультета: агитатор, политинформатор курса, председатель профбюро факультета, член партбюро – за отличную учебу и общественную работу становится обладателем стипендии им. Молотова, а на старших курсах им. Сталина. Окончив с отличием институт, талантливый выпускник был рекомендован советом института для поступления в аспирантуру.

С 1950 года Василий Егорович продолжает свою учёбу в Москве в аспирантуре на кафедре истории

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

СССР МГПИ им. Ленина. В ноябре 1953 года, под руководством профессора К.В. Сивкова, успешно защищает диссертацию «Рабочее движение в Пермской губернии в 1860-е годы XIX века» – становится кандидатом исторических наук.

Учеба в Москве ознаменована и другим важным событием – встречей там своей будущей супруги Лидии Георгиевны Туркиной (1925 г.р., уроженки Гусь-Хрустального района Владимирской обл, учителя истории средней школы Кузнецкого района Московской области), окончившей одновременно ту же аспирантуру. Молодожёны получили распределение в г. Челябинск.

ПОЛВЕКА В ЧГПИ

В декабре 1953 года по направлению Минпроса РСФСР супруги приезжают работать преподавателями на кафедру истории СССР Челябинского государственного педагогического института. С тех пор на полвека их жизненный путь был связан с нашим вузом.

Здесь с присущей ему активностью Василий Егорович принялся разрабатывать и читать лекционные курсы по истории СССР, истории родного края, спецкурсы по истории: Великой Отечественной войны, развития передовой общественно-политической мысли в России в XIX веке и др. Постоянно занимался научной работой по проблемам истории рабочего движения на Урале в пореформенный период. Автор

свыше 30 научных статей, монографии «Первые шаги рабочего движения на Урале». Редактор капитального труда кафедры «Краткий очерк истории Челябинской области» (1965). Под его руководством совместно с Курганским и Оренбургским пединститутами издано 9 выпусков «Из истории Южного Урала и Зауралья».

В непростое время Василию Егоровичу было доверено возглавить кафедру истории СССР (с 1961 по 1972 год), которая испытывала тогда кадровый кризис. Новый заведующий пошёл по пути подготовки собственных кадров, пригласив на кафедру талантливых учителей школ: Н.П. Шмакову, Л.К. Матюхину, Т.Ф. Аносову, Г.К. Павленко; выпускников-отличников – Г.С. Шкrebня и др. Взяв на себя роль наставника, постоянно делился опытом, посещал их лекции с последующим анализом, настаивал на их взаимном посещении – это была настоящая методическая школа. На кафедре царила творческая атмосфера: шло обсуждение докладов, велись научные споры, сам руководитель подавал пример активным отношением к научной работе; все педагоги получили направления в аспирантуру, трудились над диссертациями. Благодаря В.Е. Четину на кафедре сформировался и сплотился квалифицированный коллектив.

С 1963 года по инициативе Василия Егоровича ежегодно проводились семинары учителей истории и обществоведения в районах области, а с 1964 года – областные исторические олимпиады для школьников.

У Василия Егоровича учились методике чтения лекций. С одной стороны, они были близки к академизму, с другой – имели ярко выраженную профнаправлен-

ность: каждая была ориентирована на подготовку учителя, на школу. Его лекции привлекали глубиной изложения, насыщенностью фактами, обращением к документам и краеведческому материалу. Манера чтения была спокойной, даже чуть монотонной: заставляя сосредоточенно работать, думая вместе с лектором, анализируя, делая выводы.

В сфере научных интересов В.Е. Четина – история горнозаводской промышленности Урала. Ежегодно он выступал на конференциях по итогам НИР. Вчитаемся в темы его выступлений: «О значении землепользования уральских горнозаводских рабочих в пореформенный период», «Классовая борьба в горных заводах Урала в период введения уставных грамот», «Об эволюции уровня зарплаты уральских рабочих в 1861–1904 годах» и т.п. Учёный интенсивно работал над докторской диссертацией. Но аналогичную тему выбрали другие уральские исследователи. Несмотря на то, что у Василия Егоровича была научная ниша – Южный Урал, а екатеринбуржцы и пермяки опирались на материалы Среднего Урала, когда вопрос встал у учёных мужей на московском уровне, он уступил пальму первенства своему конкуренту, переключившись на другой вид научной деятельности.

Более 20 лет В.Е. Четин являлся куратором исторической секции НОУ, председателем секции исторических памятников областного совета Всероссийского общества памятников истории и культуры. В 1971 году им основана Челябинская секция Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР.

С 1963 года под началом кафедры студенты стали проходить археологическую практику, а собранные во время раскопок материалы послужили основой для создания в вузе археологического музея. По инициативе В.Е. Четина и Л.Г. Майзель проведен сбор документов и материалов по истории вуза, позднее на этой базе создан музей ЧГПИ.

Неустанное внимание уделял Василий Егорович организации НИР студентов; вёл кружок по истории заводов и фабрик Урала; руководил научными работами обучающихся, которые постоянно побеждали на всесоюзных конкурсах студенческих работ по гуманистичным и общественным наукам. По заданию УНЦ, с группой студентов, он подготовил материалы для составления «Хроники стачечного движения и деятельности революционных организаций на Урале в 1861–1917 годах».

Богатые знания он применил и при составлении «Хрестоматии архивных документов по истории Южного Урала». Совместно с работником ГАЧО А.И. Потерпеевой, им было выявлено 10 000 документов, из них около 300 вошло в издание. Выщенная Южно-Уральским книжным издательством тиражом 4000 экз. под названием «Революционная и трудовая летопись Южноуральского края» книга увидела свет в 1980 году. Это первое систематизированное издание архивных документов по истории края с конца XVII века до 1918 года. Но и этим его вклад в научное краеведение не исчерпывается: ещё в 1965 году Южно-Уральское книжное издательство выпустило

первый коллективный труд по истории края с древнейших времён до 60 годов XX века – «Краткий очерк истории Челябинской области» – на правах ответственного редактора В.Е. Четин курировал подготовку книги, вышедшей тиражом 5000 экземпляров и имевшей большой спрос. В конце 80-х годов, откликаясь на требования школ, он сумел добиться переиздания «Краткого очерка», и в 1991 году вышло переработанное и дополненное издание тиражом 15 000 экземпляров. Все книги, изданные под редакцией В.Е. Четина, быстро находили своих читателей.

Более 30 лет в газете «Молодой учитель» публиковались статьи В.Е. Четина, причем значился он не только как журналист, но и как заместитель редактора...

С первых дней жизни в вузе, как всегда, работу сочетал с общественной деятельностью: был членом партбюро, профбюро факультета, парткома и месткома института, куратором студенческих групп, партгруппом кафедры. Выступал с лекциями перед учителями города и области по линии Института усовершенствования учителей.

За самоотверженный труд Василий Егорович Четин многократно награждался грамотами органов образования, а к военным орденам и медалям на груди героя добавились: орден «Знак Почёта», медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почётный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе».

ПОРТРЕТ НАСТАВНИКА

Учитель в самом высоком смысле слова, Василий Егорович и сегодня служит ученикам примером самоотверженной жизни: военного героизма, настоящего патриотизма и профессиональной преданности, во всех вузах и школах города его выпускники. Каким запомнился им наставник?..

Внешне неброский, невысокого роста, аккуратно одет, он выделялся солдатской выпрявкой, пышной шевелюрой роскошных кудрей, приветливой улыбкой в уголках рта и внимательным взглядом; эта внимательность была не только в глазах, она в отношении к студентам, особенно к заочникам. Интеллигентен, всегда спокоен, размерен. Первокурсники и не подозревали, что он участник войны. Знакомясь, искренне интересовался историей городов и сел, откуда родом студенты, сам много знал и рассказывал из их исторического прошлого, заражая молодежь краеведческими поисками.

Позже студенты узнавали, что Василий Егорович – ветеран войны, и отношение к нему делалось ещё уважительнее. Потом выяснялось, что жена его Л.Г. Туркина их декан... а перед ней, человеком строгим и принципиальным, студенты обычно робели. Это не мешало восхищаться добрыми отношениями между парой, пытаясь разгадать секрет супружеского счастья двух неординарных личностей, державшихся на факультете подчеркнуто официально, на собраниях сидели далеко друг от друга, тем самым вызывая к себе ещё больший интерес.

По характеру Василий Егорович, напротив, был человек мягкий, деликатный и предупредительный. Никто не слышал от него резких слов. Но если надо, умел сказать строго, но не унижая студента, а заставляя плодотворно работать. Он покорял обстоятельностью решений, уверенностью, твердостью духа, умением анализировать ситуацию и всегда достигать желаемого результата. По-военному подтянутый, Василий Егорович нёс в себе сконцентрированную мощную энергию, не очень ярко выраженная внешне, она иногда прорывалась наружу, тогда становился виден темперамент этого человека. Мимо такого не пройти: он вызывал желание общаться не только своим обликом, но и красивой русской речью, тембром и манерой говорить. При общении возникало чувство, что перед тобой яркий талант, самородок, чудом уцелевший в тяжелых испытаниях, выпавших на долю его поколения, но сохранивший острое восприятие жизни.

В.Е. Четин вёл курс истории СССР с 1861 года по начало XX века. Лекции читал подчеркнуто спокойно, конспектировать за ним практически дословно было одно удовольствие. Интересные дискуссии и тщательная работа над понятиями, с документами и картами отличали его семинарские занятия, к ним тщательно готовились, проводились даже консультации. Способность педагога всегда грамотно помочь

вызывала уважение. Учитель учителей... его рецензии на курсовые и контрольные были целыми учебными пособиями: мелким каллиграфическим почерком там было отмечено всё – недостатки, достоинства, а главное – дано направление для дальнейшей работы. Его скрупулёзность сказывалась во всём: все виды занятий тщательно фиксировались, всегда проявлялись точность и обстоятельность, иногда доходившие до педантизма. Студенты, стремясь к глубоким знаниям, после лекций удивлялись объему даваемой информации – казалось, адресованной не будущим, а настоящим преподавателям.

Поражала также широта кругозора Василия Егоровича, что часто проявлялось на конференциях, где он всегда мог задать какой-нибудь специфический вопрос, требующий основательных знаний. Видную роль для студентов играли научная работа преподавателя и публикации. Изучая историю Урала, они не без удовольствия обнаруживали, что редактором, автором и составителем книг по истории Южного Урала был В.Е. Четин, что ещё более повышало его авторитет.

Важное внимание уделял Василий Егорович методической работе: требовал умения применять теорию на практике. Его увлечение фотографией было на благо учебного процесса – составлены задачи по хронологии и метрологии, оформлены фотоальбомы древнерусских текстов, хронологические и метрические таблицы, а уникальная коллекция монет использовалась как дополнительный материал.

Молодёжь всегда ценит в педагоге чувство юмора, не был лишен его и Четин – нередко находился повод,

чтобы вместе от души посмеяться: добрую улыбку вызывала, например, его нескрываемая симпатия к землякам, особенно к девушкам-пермячкам, их он обычно выделял из массы. Когда студенты селились в общежитии, куратор В.Е. Четин опекал их как вторая мама – давал советы, например, как отбелить белье, приготовить пищу, очистить закоптившуюся посуду и пр.

Но ежедневный труд раскрывал этого человека только наполовину. Совершенно по-новому представлял перед всеми Василий Егорович, когда узнавали о его боевом пути в годы Великой Отечественной войны. Он ещё более преображался в их глазах, рассказывая о тех далёких и непростых годах. Эмоции, которые он сдерживал на занятиях, здесь не скрывались. Студенты восхищались его мужеством, впечатляло и количество наград на его груди.

из личной жизни

Семья Четиных была тёплой и дружной. Василий Егорович – заботливый муж, вся забота о двух маленьких дочерях лежала на его плечах, ведь жена

Лидия Георгиевна двадцать лет трудилась деканом, что поглощало много времени.

Ольга и Елена, радуя успехами, окончив школу с золотыми медалями, поступили в московские университеты, аспирантуры.

А когда совсем по-взрослели и, упорхнув из родного гнезда, обосновались в Москве, начались постоянные поездки к ним. С особой любовью относился Василий Егорович к матери. Он был для семьи надежным, скромным и верным: с яркой и самобытной супругой приходилось непросто, но коллеги не раз слышали от неё трогательные слова в его адрес. Он бесконечно любил своих дочерей и внучек, с ними были связаны его постоянные думы. До конца жизни жены, полвека он был ей опорой и поддержкой во всём.

Друзья и соседи знали, что он фронтовик, но скромность этого человека была удивительна: он никогда не говорил о своих заслугах; не пользовался привилегиями участников войны даже во времена всеобщего дефицита, а наравне со всеми стоял в очередях за продуктами.

Всей семьёй на первомайской демонстрации

Среди увлечений: зимняя рыбалка, семейные лыжные походы, особенно садоводство. Тут сказались его крестьянское происхождение и научный подход ко всему. На участке были технические приспособления, много теплиц. Им выращивался классический набор культур; удивляли сорта цветов, лимонник, виноград, крыжовник и груша, много занимался прививками – на одном дереве росли разные сорта груш или яблок. Пользовался авторитетом у соседей по саду, делился советами, а когда в правлении встал вопрос об овощехранилище, спроектировал его и возглавил бригаду по строительству. Выращивал богатый урожай, часть которого отдавал детскому дому.

**Кафедра Отечественной истории
в начале 2000-х годов**

Сколько энергии, жизнелюбия и потребности в ежедневной работе было в этом человеке – его трудно представить другим: он всегда куда-то спешил, строил планы, ставил задачи и выполнял их.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

С 1990-х годов выйдя на пенсию, Василий Егорович активно трудился в ветеранской организации вуза; восемь лет возглавлял он комиссию

////////// *Девять фронтовых судеб* //////////

по работе среди молодёжи при Челябинском облсовете ветеранов войны и труда, занимался нравственным и патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

Сплотив работу областной ветеранской организации, органов образования и администраций городов и районов, В.Е. Четину удалось остановить распад музейной работы в школах и не только восстановить и сохранить старые музеи, которых было 400, но и создать 200 новых. За годы работы в комиссии он сумел вдохновить ее на новую и более эффективную деятельность, передавая свои глубокие знания и опыт по воспитанию молодёжи, направляя весь жар своего сердца на сохранение памяти о Великой войне. **За эту работу в 2002 году В.Е. Четин удостоен ордена Дружбы, на граду и удостоверение, подписанное Президентом В. Путиным, вручал его полномочный представитель по Уральскому региону.**

Выезжал ветеран на встречи с боевыми друзьями в Киев, Запорожье, на Кавказ. А в 2005 году в Москве вышла книга «Солдаты Победы», в которую вошла и его биография. Восхищает то, что Василий Егорович до конца своих дней (*не стало его 28 июня 2008 года*) не мог жить беззаботно: он всегда стремился сохранить и передать новым поколениям южноуральцев духовные ценности, за которые воевал.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ. СЕМЁН СИДОРЕНКО

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Родился Семён 31 июля 1905 года в далёкой сибирской деревне Черниговка Томской губернии (ныне Новосибирская область) в много-детной семье переселенцев из центральной части России (сейчас Брянская область) Анисима Антоновича и Агафьи Антоновны Сидоренко. Родился смышленым и любознательным, от старших брата и сестры рано научился читать, а в шестилетнем возрасте без разрешения собрался, да и отправился за ними в школу. Учительница, Екатерина Ивановна, приветила новичка и оставила, велев приходить в школу в подпоясанной рубахе. Так, маленький Семён, получив от родителей пояс вместе с благословением, три года обучался в начальной школе, которую окончил в 1913 году с отличием.

В 1915 году за успехи принят в гимназию для детей дворян и купцов, где Семён был единственным представителем крестьян. На уроках «Закона Божьего» священник, знакомясь со списком учащихся, уважительно предлагал: «Поднимите руки дети купцов... знатного люда... – и небрежно бросал: – Встаньте дети крестьян». Демонстративно, высоко подняв голову, поднимался один Семён Сидоренко, зато его ответы на уроках были всегда лучшими, и примечательно,

что за партой он сидел тогда со своим закадычным другом, сыном железнодорожника Георгием Байдуковым (через двадцать лет совершившим перелёт в США с Чкаловым и Беляковым).

СЕЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ

В 1921 году, после смерти отца, Семёну пришлось оставить учёбу и взять на свои плечи заботу о пожилой матери. Но, занимаясь сельским

трудом, он продолжал самообразование и при поддержке учителей В.В. Меньшова и А.М. Жихарева в 1926 году успешно сдал экстерном экзамены за девятилетку. **Четырнадцать лет работал он сельским учителем.** Создал семью, в которой родились два сына, Владимир

и Михаил. В 1935 году, окончив Омский комвуз, поступил на заочное отделение истфака Ленинградского государственного университета.

После 4-го курса в 1939 году, получив рекомендацию как талантливый учитель и студент-отличник, уехал с семьёй в Ленинград для завершения учебы на дневном отделении. **По окончании вуза с красным дипломом в 1940 году поступил там же в аспирантуру.** Здесь в 1941-м и застала их война.

ВОЙНА. ПРОЩАНИЕ НАВСЕГДА

В числе первых С.А. Сидоренко подал заявление о добровольном вступлении в армию. В рядах народного ополчения работал он на рытье противотанковых рвов по созданию линии обороны на подступах к Ленинграду. Жена, Марина Афанасьевна, с начала войны трудилась на оборонном заводе № 159. В июле в ЛГУ было решено сформировать отряд особого назначения для действий в тылу врага, в который вошли преподаватели, студенты, аспиранты. Владевшему немецким языком и, кроме того, трудившемуся над темой, предполагающей знакомство с различными видами борьбы в тылу во времена гражданской войны, Семёну Анисимовичу сразу предложили войти в отряд, и он без колебаний согласился. Началась подготовка к отправке за линию фронта. В августе отряд был готов к выезду. С большим трудом удалось добиться разрешения попрощаться с женой и сыновьями, они простились у Казанского собора... и оказалось навсегда.

ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В составе отряда особого назначения (200 человек) Семёна Сидоренко направили в Волосовский район Ленинградской области – в тыл врага. На дороге между деревнями Калитино и Чёрные партизаны отряд принял первое боевое крещение: в расставленную им засаду попался конный разъезд фашистов – гитлеровцы отступили. Затем в течение двух недель было совершено 13 боевых операций: уничтожено 6 бронемашин, 6 грузовиков, танкетка, 2 штабные машины противника, убито 176 немцев. После отряд разделился. В составе 38 бойцов Семён был направлен в Тосненский район Ленинградской области, всю зиму и весну партизаны совершали дерзкие вылазки против фашистов.

Отряд студентов ЛГУ действовал в тылу врага в течение 9 месяцев в самое тяжёлое для страны время. Будучи в прифронтовой полосе, откуда были угнаны советские люди, отряд не мог создать постоянной базы. Партизаны вынуждены были всё время находиться в движении, носить при себе боеприпасы, радиостанцию, медикаменты, продукты питания и др. В непогоду партизаны согревались на марше, не разводя костров. Раненых оставлять было негде, их переносили за собой. Воду брали из попавшихся источников. Однажды вода в колодце оказалась отравленной немцами, и пострадал почти весь отряд. Солдаты, еле живые и обезвоженные, отлеживались в лесу на подстилках из хвороста. Ухаживать за ними было некому, лечить – тем более.

Оставшиеся в живых, истощенные и больные, договорились пробираться к своим по одному. Каждый

придумал себе версию на случай плена. Семён решил быть простым крестьянином-трудягой, ведь эту работу он знал с детства. Семён подпалил у костра простую одежду, сделал дыры в штанах и рубахе, очистил подпалённые места и выветрил запах дыма. Продвигаясь к линии фронта, он старался обходить деревни. Но, чтобы поесть и попить, приходилось стучаться в крайние хаты. В одной таких он был взят в плен: хозяева выдали немцам, которые с помощью собак-ищиков определили: не здешний, пропах дымом – значит, партизан.

ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Осенью 1942 года Семён Сидоренко оказался в северо-западной Германии, в огромном распределительном лагере для военнопленных. Здесь проходили карантин: жестоко морили голодом, выпытывая настоящую специальность, воинское звание и чин. Это делалось не только для того, чтобы рационально использовать пленных на работе, но и выявить наиболее опасных и изолировать от остальной массы или уничтожить. С. Сидоренко зарегистрировался колхозником и вместе с другими такого рода через некоторое время отправлен в глубь Германии в «бауэрский» (крестьянский) лагерь. Он попал в хозяйство самого крупного в Мольбергене землевладельца Тикена. Кроме Семёна, там работали ещё десять человек. Вечером пленных отводили в лагерь в Мольбергене. Работавшие с раннего утра и до позднего вечера на полях пленные полумертвыми возвращались туда, пытаясь прилечь.

Но следовала поверка с постоянным напоминанием командофюрера – начальника лагеря: «Кто плохо работает, будет отправлен в большой лагерь!».

Немного окрепнув, Семён стал думать о возможности бороться и здесь, в глубоком немецком тылу. Собрав надежную группу, продумывал формы. Одной из первых стала борьба против «ударничества», против старания в труде на хозяина. Действовали не только разъяснением, высмеиванием, но и угрозами в отношении трусов: «Шею намоем!», «В уборной утопим!».

Однако не всё шло гладко. Один из пленных, бывший детдомовец, действуя без надлежащей осторожности, был замечен и избит надсмотрщиком до полусмерти. Вскоре нависла угроза и над Семёном: вечером, после работы, пленных построили и потребовали сказать, кто их научил работать спустя рукава. Все молчали. Однако нашёлся предатель, который к тому же немного изъяснялся на немецком, некто Журавлёв: «Это он, Сидоренко, научил так собирать, чтобы в Германии было меньше картофеля и большой голод». Вахман налетел на Семёна, вытолкнул в коридор, но бить почему-то не стал, а воткнул в рот дуло револьвера: «Говори, правда ли это?» – требовал он. Но как можно говорить, когда рот заткнут? К тому же Семён знал немца: если рассвирепеет, лучше молчать, пока не успокоится. Он попытался узнать, как понял вахман сказанное, ведь предатель говорил на их языке неважно. Семён начал по-немецки: «Товарищ плохо владеет языком – он не так выразился, желая сказать: я учил стараться собирать картофель, чтобы не только мы,

но и наши товарищи в больших лагерях были сыты, а не голодали. Это могут подтвердить все...» Вряд ли вахман поверил, но всё-таки вернул Семёна в строй. Он передал друзьям: «Журавлёв предал нас, но дело ещё поправимо. Слушайте, что я буду говорить, а когда спрошу: правильно ли? Отвечайте – “richtig” (правильно)». Товарищи поддержали Семёна, оправдав перед вахманом. Но тот, не доверяя, решил всё-таки отправить подозреваемого в большой лагерь.

Только случайность тогда помогла Семёну остаться в живых. Наутро вахман проспал отходящий поезд. Следующий был через сутки. Воспользовавшись этим, Семён сообщил о намерении вахмана бауэру. Узнав о случившемся, тот не пожелал потерять лишнего работника в хозяйстве и своим авторитетом подавил желание надсмотрщика. В приподнятом настроении вернулся Семён в лагерь с намерением искать новые методы борьбы пленных. Одним из них стало живое слово. Немецкое командование специально присыпало в лагерь газеты на русском языке для негативного воздействия на военнопленных. На первой полосе в них печатались сводки верховного командования о победах немецкой армии, что она занимает Волгу, Кавказ... Это угнетающее действовало на людей. Пытались разыскать немецкие газеты. Их читать запрещалось и в лагере не было, а достать их можно только у хозяев-помещиков. Договорились с надёжными людьми – Ивойловым, Борисовым, Поршневым – брать газеты по очереди под видом курения, но свежие. И вот, наконец, появилось долгожданное сообщение о капитуляции армии Паулюса под Сталинградом

с объявлением трёхдневного траура в Германии. Это известие произвело сильное впечатление на пленных товарищей, вызвав большой восторг. Победа под Сталинградом укрепила веру, вдохновила людей, стремление к сопротивлению возросло.

Но и немцы усилили стремление взять реванш. Лагерь был пополнен новыми пленными (50 человек), усиlena охрана. Избиения людей участились. Некоторое время Семёну удавалось увернуться от этого зверства, но дошла очередь и до него. Во время дежурства охранник заметил на потолке паутину, а затем разбитую печь. Требовал ответить, кто это сделал. С. Сидоренко не выдал товарищей, сослался на выехавших французских пленных. Ефрейтор остался недоволен и избил его. Смелый поступок, безусловно, поднял Семёна в лице товарищей, что обозлило охрану, и на него обрушились новые гнев и побои: заставляли выполнять двойную норму, неустанно следили, постоянно подгоняя. От верной смерти спас случай: работа вблизи школы и сочувствие немецкого учителя оттуда, на время отвлекавшего для разговоров.

Несмотря на ужесточение охраны, пленные продолжали внимательно следить за немецкой прессой. Установили строгую очередь на каждый день, кто должен добывать газету. Кроме газет читали листовки, сбрасываемые с самолётов. Газеты передавались С. Сидоренко для перевода. При этом приходилось соблюдать осторожность: за чтение немецких газет и русских листовок отправляли в концентрационные лагеря или вешали на месте. Однажды случилась оплошность: товарищи не заметили входившего над-

смотрщика, что поставило жизнь Семёна на грань, – спасли только выдержка, находчивость и владение немецким языком.

Не менее сложно полученную информацию было передавать остальным пленным. Охрана запрещала после отбоя разговаривать, нарушение строжайшей дисциплины часто являлось поводом для избиения. Приспособились так: еще до отбоя в раздевалке информировали двух-трех товарищей, которые затем, когда все начинали укладываться на нары, делали сообщения для всего лагеря: один говорил, другой добавлял, так что по форме получался как бы обычный разговор или переброска анекдотами. А смех, которым нарочно прерывалось сказанное, ещё более убеждал охрану в лёгком содержании общения.

Немецкие газеты по прочтении шли на раскрутку, а листовки бережно хранились ночью в соломе матрацев, а утром пленные брали их с собой и осторожно разбрасывали по дорогам, на перекрестках, где людей движется больше. При помощи пленных все листовки с полей и лугов перемещались на шоссе и тропы. Поэтому Семёна с товарищами можно считать, если не внештатными пропагандистами, то книгоношами антифашистской информации.

Близость поражения Германии не облегчала положения пленных. Усиление фашистской пропаганды, направленной на то, чтобы сломить дух людей, посеять в их души сомнение в возможность вернуться на Родину, продолжалось. Пленных запугивали расправой, ждущей их там в случае возвращения. В этих целях был использован, – неизвестно, действительный

ли вымышленный, – ответ советского посла в Швеции Коллонтай на запрос о советских военнопленных, где говорилось, что Советское правительство не признает людей, находящихся в Германии, как военнопленных. Советские воины не сдаются в плен врагу, а находящиеся в Германии – это не исполнившие военного долга, и в отношении их поступят по всем строгостям закона. Этот ответ Коллонтай был прочитан перед строем, и несколько его экземпляров, перепечатанных на машинке, было расклеено на стенах лагеря. Текст дополнен комментариями, что каждого военнопленного при возврате на Родину ждёт суровая расправа: одних расстреляют, других сошлют в Сибирь. Одновременно немцы усилили вербовку в так называемую «освободительную армию». Пропаганда была достаточно тонкой, но С. Сидоренко делал всё, чтобы разъяснить товарищам истинный смысл и уберечь от неправильного шага.

ПОБЕГ. ВСТРЕЧА ПОБЕДЫ

Семён давно задумывался о побеге, но, оценивая ситуацию, понимал, что в данном случае он невозможен. Оставалось настойчиво использовать проверенные формы сопротивления и ждать изменения ситуации. Реализовать побег удалось только с открытием второго фронта. Немцы отступали, не пытаясь задерживаться. Однако руководство союзной армии не спешило признать право советских военнопленных

на освобождение. В этой ситуации Семён Сидоренко и некоторые тоже решительно настроенные готовились и совершили побег группами.

На Эльбе в 1945 году группа бежавших встретилась с наступавшими советскими войсками. В составе кавалерийского 24-го гвардейского полка С.А. Сидоренко встретил долгожданный день Великой Победы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нелегким было возвращение Семёна Анисимовича в мирную жизнь. Пять долгих лет не было связи с родными... Скорей бы увидеться!.. Обнять их! Но по прибытии в Ленинград он узнал о гибели ещё в 1942 году всей семьи в блокадном городе вместе с тысячами ленинградцев...

В один миг казалось, всё кончено: не было смысла жить дальше. С такими мыслями бродил Семён Анисимович по памятным местам, где когда-то бывал с семьёй. Не сразу заметил, что за ним постоянно следует человек (как выяснилось потом из НКВД), и это было последней каплей: стоя однажды на мосту через Мойку, ему в голову пришла внезапная мысль покончить собой. В последний момент он вдруг ощущил чью-то руку на своём плече – оказалось, вмешался именно следивший за ним человек, который лишь произнёс: «Не делайте этого!» – и исчез – с этого дня слежки не было.

Со временем Семён Анисимович нашёл в себе силы и, уйдя с головой в работу, завершил кандидатскую диссертацию, успешно защитив её на кафедре истории СССР ЛГУ по теме: «Революция в Сибири (установление Советской власти)».

Принципы исследовательской позиции С.А. Сидоренко формировались в стенах одного из ведущих вузов страны, ЛГУ, и его исторического факультета, на котором в тот период работала целая плеяда выдающихся историков: будущие академики Б.Д. Греков, В.В. Струве, Е.В. Тарле, профессора В.В. Мавродин, С.Б. Окунь, С.Н. Валк, О.Л. Вайнштейн, М.И. Артамонов, А.И. Молок и другие, сумевшие передать своим последователям высокую научную культуру и преграничность избранному делу.

Но продолжать жить в Ленинграде дальше было тяжело, прошлое не отпускало, и в 1947 году по окончании аспирантуры по личной просьбе С.А. Сидоренко был направлен сначала в Томск (ТГУ), а через два года переведён в Челябинск (ЧГПИ).

«НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ»

В Челябинске Семён Анисимович создаёт новую семью, растит двоих дочерей Веру и Надежду. Одна из страничек в семейном альбоме так им и озаглавлена «Начало новой жизни». Его женой стала Елизавета Матвеевна (Дедова) Сидоренко (1920–1987), выпускница химико-биологического факуль-

тета ЧГПИ, с 1947 года трудившаяся преподавателем химии и биологии в Челябинском железнодорожном (техникуме) институте.

С 1949 года работал Семён Анисимович в Челябинском педагогическом институте, где читал лекции по основному курсу истории СССР и историографии народов СССР, спецкурсы по истории Октябрьской революции 1917 года, истории Урала. Работал над докторской диссертацией. Основу исследовательской позиции С.А. Сидоренко составляли принципы объективности, особого внимания к источникам, стремление к изучению «в историческом разрезе социальной психологии». Результаты исследований Семёна Анисимовича нашли поддержку у ведущих учёных, о чём говорят отзывы профессоров из Сибири И.М. Разгона, П.И. Ращевского, М.М. Шорникова, В.П. Сафонова. А итогом его научных изысканий стала успешная защита в 1972 году в ЛГУ докторской диссертации по теме «Сибирь в период мирного развития революции (март – середина июля 1917 года)» и публикация на её основе монографии «Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март – апрель 1917 года)».

В 1974 году решением высшей аттестационной комиссии С.А. Сидоренко был утвержден в учёном звании профессора, что сделало его первым профессором отечественной истории на Южном Урале.

Наряду с медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»,

всеми юбилейными, награждён медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», нагрудным знаком Министерства высшего и среднего специального образования СССР: «За отличные успехи в работе» и др.

СВЯЗЬ С МАЛОЙ РОДИНОЙ

Основной темой его исследований всегда оставалась Сибирь – малая родина, где прошло его становление, где жили его односельчане. Боль за погибших во время войны и желание увековечить их память подвигли его на организацию строительства обелиска славы собственными стараниями и упорством.

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

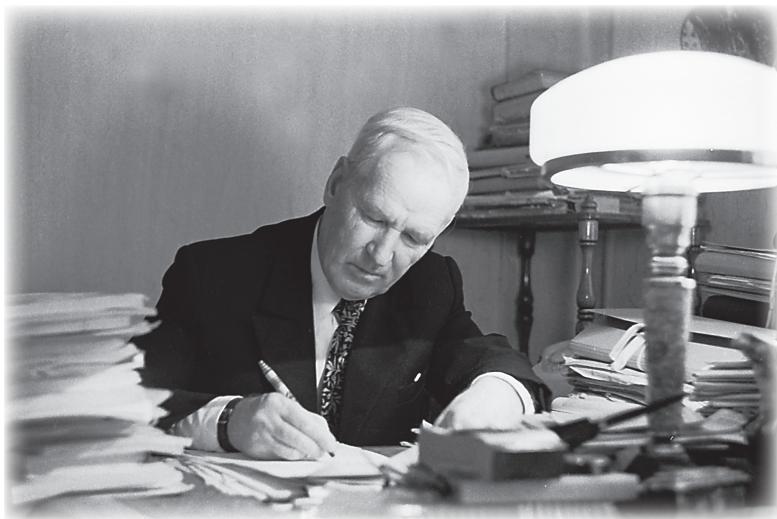
Это был один из первых памятников, воздвигнутых в нашей стране на общественные средства силами самого народа.

Трогательна на протяжении всей жизни и дружба Семёна Анисимовича со школьным товарищем, другом детства Георгием Филипповичем Байдуковым, тем самым, который вместе с В.П. Чкаловым и А.В. Беляковым оторвался от бетонной дорожки московского Щёлкова на «АНТ-25» 17 июня 1937 года, пройдя через Северный полюс, спустя 63 часа 16 минут произвёл посадку близ г. Портленда в Америке.

Услышав радиосообщение о героическом перелёте, Семён Анисимович, не раздумывая, принял решение поздравить друга-героя и написал письмо в «Правду». Адрес прислали тут же, и ответ не заставил себя ждать. Оба они всегда были душевными гостеприимными друзьями, лишёнными зазнайства. Затем последовали постоянная переписка, встреча в Кисловодске, Москве, а подаренная Байдуковым книга «Наш Чкалов» с автографом легендарного лётчика до сих пор бережно хранится родными в семейном архиве.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научную работу С.А. Сидоренко сочетал с популяризацией истории Южного Урала. Краеведение рассматривалось им, с одной стороны, как особый предмет изучения истории страны в её локальных регионах и областях; с другой – как средство нравствен-

ного воспитания молодёжи на основе культурно-исторических традиций нашего региона.

Ещё в 1950-е годы на страницах областной газеты «Сталинская смена» публикуются его статьи «По пугачевским местам», «Выдающийся русский металлург уралец П.П. Аносов» и т.п. В 1960-е он со средотачивается на подготовке статей в научных центральных и местных издательствах. Например, «Южный Урал в период разложения и кризиса феодализма», «Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачёва», «Экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале», «Первый съезд горнорабочих Западной Сибири», «Некоторые вопросы историографии Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири» и т.п. Принимает активное участие в подготовке коллективного труда

кафедры «Краткий очерк истории Челябинской области», в который вошли два написанных им раздела по дореволюционной истории данной территории в XVIII – первой половине XIX века – об экономическом развитии региона и социальной сфере в условиях кризиса феодализма и проникновения капиталистических отношений. Всего перу ученого принадлежит более 45 научных публикаций.

Одной из форм развития региональной истории в 1960–1970-е годы явилось проведение научных сессий вузов Урала. Активное участие в них принимал Семён Анисимович. С солидными докладами выступал он практически на всех сессиях в Свердловске, Перми и др. Темой его докладов были вопросы историографии и анализ исторических событий. Он являлся автором статей и редактором сборников научных трудов кафедры «Из истории Южного Урала и Зауралья» (1967–1971 годы).

С.А. Сидоренко рассматривал историю края как неразрывную часть истории страны в целом, отмечая роль и значение Урала в достижении материальных и духовных ценностей. Ученым подготовлен ряд публикаций, освещдающих вклад в развитие и изучение Урала выдающихся деятелей края: П.П. Аносова, П.И. Рычкова, А.М. Обухова и др.

Важным направлением его работы на протяжении всего периода педагогической деятельности в вузе являлось привлечение к изучению истории Южного Урала студентов через организацию работы в научных кружках.

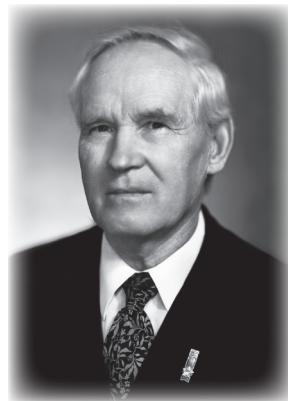
Многие годы являлся С.А. Сидоренко председателем первичной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, активно вовлекая в её ряды студентов; был членом президиума и председателем секции горсовета общества, членом научного совета при архивном отделе облисполкома. Как настоящий историк он не мог равнодушно относиться к попыткам всё и вся перестраивать, сносить в городе и области. Часто выступал перед населением, привлекая на свою сторону многих, особенно молодёжь. Благодаря его работе сохранились многие отреставрированные здания в Челябинске, Троицке и других городах. Заложенные им традиции востребованы и в настоящее время.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Стройный, аккуратно одетый человек, сравнительно молодой, хотя рано поседевший, с умным усталым сосредоточенным и проницательным взглядом. Война, плен, гибель семьи в блокадном Ленинграде наложили свой отпечаток на его облик, что не мешало обладать невероятным обаянием личности.

Входил в аудиторию всегда заранее – спокойно, несуетливо, с некоторой усмешкой оглядывая студентов. Поражали его богатейшие знания и опыт: мог великолепно читать по памяти любой период истории, излагая материал доступно – на хорошем русском языке – ярко, популярно, логично, делая глубокие анализ и вы-

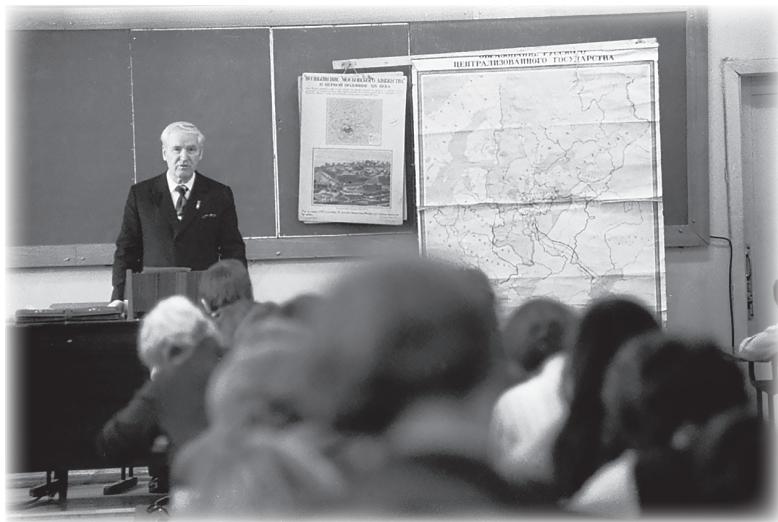
воды. Лекции его были очень живыми и красочными, как будто участвовал в событиях сам: крестился в холодных водах Днепра, спасал барщину, ходил в атаку на Полтавском поле, вступал с башкирскими «северными амурами» в Париж, звенел кандалами по Владимирке, сидел в пугачёвском штабе... Многочисленные выпускники вуза до сих пор вспоминают его блестящее чтение, например, о процессе складывания государственности в Древней Руси, критике «нормандской теории» и др.

Хорошо, по своему личному трудовому опыту, знал методику преподавания и в вузе, и в школе. Имел собственную систему проставления оценок. Обладая своего рода интуицией, которая проверялась им на последнем курсе. Оценку «отлично» ставил в зачётной книжке в двух вариантах: мелким почерком – за ответ без блеска; крупными буквами – смело благословляя студентов, на дальнейшую отличную учебу. И не ошибался: на 5-м курсе, перелистывая зачетку, убеждался в правильности, и с удовольствием ставил высший балл в диплом.

Историк высочайшей квалификации, целеустремлённый, с требовательным подходом к себе и другим, сочетающимся с отечески внимательным подходом к людям. Умел выслушать. Был демократичен, но строг, расхлябанности не допускал. На умудрённом жизненным опытом лице педагога появлялось выражение,

|||||| К 80-летию Великой Победы |||||

**Лекции
и экзамены...**

трудно передаваемое словами, и следовала характерная фраза: «Да... молодой человек».

Как куратор никогда не докучал, но всё держал под надёжным контролем. Мог сплотить группу: соратник иногда не только в будни, но и в праздничные дни. Обладал великолепным чувством юмора (знал множество занимательных историй), хорошим голосом. Любил народные песни, увлекался поэзией.

Пройдя суровое испытание войной, Семён Анисимович считал самыми счастливыми событиями своей жизни: во-первых, защиту докторской диссертации, получив моральное удовлетворение, был рад, что незря выжил (его поздравляли даже незнакомые люди, понимая значимость события); во-вторых, конечно, обретение семьи, рождение дочерей, которых назвал Верой и Надеждой... и любил добавлять при этом: «А Любовь – у вас будет». Обе дочери, унаследовали любовь к науке, литературе, краеведению. Старшая, Вера Семёновна Ткачёва (Сидоренко), окончив ЧГИК, работала в ЧОУНБ, в редакции газеты «Челябинский рабочий». А младшая, Надежда Семёновна Сидоренко, окончив ЧГПИ, пошла по стопам отца, стала доктором исторических наук, профессором кафедры отечественной истории (с 2009 по 2012 год даже возглавляла её) и по сей день преподает в родном университете.

До самого ухода из-за тяжёлой болезни из жизни в 1980 году работал Семён Анисимович Сидоренко в ЧГПИ, более четверти века истории вуза связано с именем этого выдающегося учёного и фронтовика, сильного духом и волей.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

НА КРЫЛЬЯХ ПОБЕДЫ. АНДРЕЙ АБРАМОВСКИЙ

ЮНОСТЬ, ПРЕРВАННАЯ ВОЙНОЙ

Родился Андрей 21 сентября 1924 года в казачьей семье в деревне Утичье Утченского сельсовета Песчанского района Шадринского округа Уральской области (ныне Щучанский муниципальный округ Курганской области). Отец из рода с польскими корнями: его предок сослан в Сибирь после польского восстания 1830 года, потомки славного поляка по мужской линии ассимилировались в России, осели в Оренбургском крае и поступили на службу, в том числе офицерами в казачье войско.

Андрей рос старшим из трёх сыновей – любимым помощником отца, который обучал его всему, что умел сам: и кузнечному мастерству, и столярному делу. В поисках лучшей доли семья часто переезжала из деревни в город и обратно: проживала то в городе Копейске, то на хуторе Шарово Кислянского сельсовета (ныне территория Целинного муниципального округа Курганской области). Отец сменил множество профессий, был мастером на все руки: работал в колхозе, на строительстве ЧТЗ. Сыновьям пришлось обучаться в нескольких школах. Андрей везде стремился быть первым: учился только на отлично, был одним из лучших учеников копейской школы. С юных лет

был увлеченной натурой: влюбившись в историю, хотел быть историком, в географию – путешественником, узнав о челюскинцах – он стал мечтать о полётах, о небе. Вот они, истоки пути!..

Окончание Андреем восьмилетки совпало с началом Великой Отечественной войны. Семнадцатилетний юноша, прибавив себе год, подает заявление в военкомат с просьбой отправки добровольцем на фронт вслед за отцом, Петром Архиповичем Абрамовским, который ушёл в сентябре 1941 года (погиб под Старой Руссой через четыре месяца, в январе 1942-го).

12 сентября Андрей призван Усть-Уйским РВК и определён на учёбу в Челябинскую военную авиационную школу стрелков-бомбардиров (ныне ЧВВАКУШ), где проходит подготовку воздушного стрелка бомбардировочной авиации.

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

В условиях сложившейся тяжёлой обстановки на фронте Андрей Абрамовский вместе с другими курсантами выпускается досрочно и в декабре 1942 года отправляется в действующую армию под Сталинград, где определяется в 9-й гвардейский авиационный полк дальнего действия воздушным стрелком в экипаж самолёта Ил-4. Командовал АДД тогда генерал-майор авиации А.Е. Голованов (с августа 1944 года – Главный маршал авиации). Свои первые полёты на боевые задания с целью нанесения бомбовых ударов

по объектам врага в Сталинграде стрелку довелось выполнять в январе 1943 года в составе известного в полку экипажа старшего лейтенанта А.П. Митрохина.

На двухмоторном бомбардировщике Ил-4 летает молодой стрелок бомбить немецкие цели до полного окружения и уничтожения группировки В. Паулюса. **За участие в Сталинградской битве Андрей Петрович Абрамовский получает свою первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги».**

После Сталинграда 9-й гвардейский полк преобразован в 21-й гвардейский авиационный бомбардировочный полк дальнего действия, который продолжает боевые операции под Кременчугом и Кировоградом. Здесь ему присвоено имя Кировоградского Будапештского Краснознаменного полка.

В его составе Андрей Абрамовский принимает боевое участие в ночном массированном налёте на Будапешт.

Разведкой тогда было обнаружено там большое скопление железнодорожных эшелонов с немецкими войсками и техникой. Наше командование приняло решение нанести по ним удар с воздуха силами авиационного корпуса, насчитывавшего около двухсот самолётов. И вот по приказу командующего авиацией дальнего действия Александра Евгеньевича Голованова, эскадрильи одна за другой, покидая аэродром, уходят в ночное небо...

Успешно стартовал и наш самолёт, где в обязанности воздушного стрелка А. Абрамовского входило обслуживание пулемёта в хвостовой части, наблюдение и обстрел нижней и задней по отношению к самолёту полусфер. Набрав высоту четыре тысячи метров, боевые лётчики надели кислородные маски и набрали высоту до семи километров. Вначале шли с зажжёнными навигационными огнями, но, приближаясь к линии фронта, гасили их.

Стало совсем темно. Под натужный гул работающих двигателей Андрей Петрович внимательно всматривался в бесконечную тьму. Обычно в лунную ночь при незначительной облачности внизу – на земле – просматривались лесные массивы, реки и даже мосты через них, но на этот раз чёрная пелена окутывала пространство вокруг, и он, как и другие члены экипажа, испытывал предельные волнение и напряжение, ведь вместе с ответственностью за выполнение боевого задания каждый из них имел внутреннюю установку – во что бы то ни стало возвратиться обратно живыми.

Именно, чтобы избежать потерь, и летали тогда в ночное время на больших высотах. Но и здесь их подстерегала опасность – атаки немецких истребителей с воздуха и обстрел зенитной артиллерии с земли. Так совсем недавно, в один из предыдущих полётов, возвращаясь с боевого задания, экипаж тоже оказался под жестоким огнём вражеской артиллерии. И вот хлопки разрывающихся зенитных снарядов, превращаясь в белые облачка, как гроздья ваты, зависли вокруг самолёта. Один снаряд попал в цель. Самолёт сильно тряхнуло. За бортом появились языки пламе-

ни, а салон наполнился дымом. Подбили! Какое решение примет командир?..

Дотянув до своей территории, он даёт экипажу экстренную команду выбрасываться с парашютами. Андрей Петрович быстро ногой открывает люк и лицом вниз вываливается из самолёта. Струя встречного воздуха подхватила его. Дернул кольцо. Последовал сильный рывок. Парашют раскрылся нормально. Андрей Петрович видит, как горящий самолёт, словно метеорит, прорезая ночную мглу, несётся к земле. На месте падения образуется вспышка взрыва, рассыпаясь разноцветными огнями. Но все члены экипажа: командир, штурман, стрелок-радист и он, стрелок-моторист, остались живы.

Полёты продолжились на другом, точно таком же самолёте в районе Смоленска, и не прошло и двух недель, как по воле обстоятельств экипаж вновь оказался на грани жизни и смерти. После нанесения очередного бомбового удара по врагу самолёт возвращался на свою базу такой же глухой тёмной ночью.

На проходе к линии фронта стрелок-радист, находившийся в верхней турели, первым обнаружил справа по борту искры из выхлопного сопла двигателя летящего рядом немецкого истребителя. Фашистский самолёт на мгновение осветил небо прожектором, тем самым привлекая к себе внимание. Бойцы из всех пулемётов открыли по нему огонь. А в это время другой «мессер» зашёл с левого бока – и не промахнулся. Левый мотор загорелся – и машина стала резко терять высоту. Командир принял решение: дотянуть до своей территории и посадить самолёт на фюзеляж.

Встреча с землей произошла настолько жёстко, что Андрея Петровича сильно отбросило, и он ударился головой о пулемёт, по лицу потекла липкая кровь. С диким скрежетом самолёт пробороздил по земле ещё несколько десятков метров и остановился. Хорошо, что стрелок-радист пострадал тогда меньше и помог выбраться ему наружу.

Левый двигатель самолёта горел, огонь подбирался к бензобаку. Командир и штурман были без сознания. Они оставались в кабине, добраться до них было невозможно – её заклинило. Но на помощь уже спешили артиллеристы находившейся поблизости батареи. Они помогли извлечь летчиков из самолёта и оттащили их в сторону. Когда самолёт взорвался, экипаж был уже на безопасном расстоянии.

...И вот снова очередной вылет Андрея Абрамовского – на Будапешт. Ни на земле, ни вокруг самолёта не просматривалось ни огня. И вдруг впереди по курсу над землей вспыхнуло пожарище. Оно стремительно увеличивается, сполохи огня резко взмывают вверх и медленно опускаются. Это впереди летящие наши бомбардировщики сбрасывают смертоносный груз. Когда наш самолёт приблизился к цели, на земле уже полыхало целое зарево огня. Как потом выяснилось, среди скопившихся эшелонов на железнодорожной станции находились цистерны с бензином. Разрывы бомб разбросали их в разные стороны, бензин, разливаясь по большим территориям, горел, пожирая всё вокруг.

Вдруг наш самолёт, освободившийся от бомбового груза, резко подбросило кверху. Командир, заложив крутой вираж, развернул машину на обратный курс.

Из опыта предыдущих полётов сложилось мнение, что немецкие истребители нападали на советские бомбардировщики чаще при возвращении их с боевого задания. Значит, сейчас нужно ожидать их атаки.

Андрей Петрович внимательно всматривался во тьму, сжимая гашетку пулемёта, и готов в любую секунду открыть огонь. Ему кажется, что время остановилось, а самолёт движется слишком медленно, и только, когда колёса касались посадочной полосы аэродрома, напряжение спадало, он ставил оружие на предохранитель. И так вылет за вылетом...

...На этот раз тоже под Будапештом: пришлось прыгать с огромной высоты с парашютом (учёба в училище была краткосрочной – прыгали мало). Спускаясь, Андрей Петрович думал, куда попадёт: к немцам или на свою территорию? Повезло приземлиться за линией фронта. Ночью добрались до аэродрома.

А через сутки опять на задание, и вновь сбили. Самолёт горел, прыгать на вражескую территорию не хотелось, тянули до линии фронта. Но, дотянувшись, обнаружили, что сесть некуда: внизу всюду лес. Стреляли из ракетниц, освещая дорогу. И вдруг – полёна! Самолёт неимоверными усилиями всё-таки удалось посадить. Тяжело раненных лётчиков подобрали артиллеристы...

Шесть месяцев провёл Андрей Петрович в госпитале, излечивая три тяжёлых ранения. Восстановившись, вновь вернулся на фронт.

И так авиационный моторист, член ВЛКСМ Андрей Абрамовский обслужил за годы боевых действий 50 вылетов. Победу встретил в 1945 году

в небольшой польской деревне Вулька-Лабуньска (пол. *Wólka Łabuńska*), недалеко от Майданека, известного концлагеря. Польское население с большим энтузиазмом встречало тогда наших бойцов-освободителей.

После окончания войны ещё пять лет служил он офицером Советской армии. Всего за это время обслужил 200 вылетов.

Вклад Андрея Петровича Абрамовского в защиту нашей страны отмечен более чем 20 государственными наградами. Он удостоен ордена Отечественной войны I степени, награждён медалью Жукова, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта» и многими другими.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Демобилизовался Андрей Петрович в звании лейтенанта в 1950 году, вернулся домой на Урал, в Челябинск. Боевой офицер и комсорг, после войны принят в городской комитет комсомола, где работал пять лет, став заведующим военно-физкультурным отделом. Послевоенная жизнь складывалась непросто, с передевшей семьёй кочевал он тогда из барака в барак, пока всё-таки ни получил однокомнатную квартиру и женился.

В 1954 году обком ВЛКСМ направил его помощником начальника политотдела по комсо-

мольской работе в Челябинское стройуправление Министерства путей сообщения.

Одним из самых сильных желаний фронтового лётчика, а ныне партийного работника Андрея Абрамовского всегда было – учиться, наверстывать упущенное за годы войны. К 1952 году, без отрыва от службы, получил он среднее образование в школе рабочей молодёжи. Первые встречи с историей в юности не прошли даром, он поступил на историко-педагогический факультет Челябинского государственного педагогического института. Экзамены сдал удовлетворительно, но как участник войны был зачислен. Знаний Андрею Петровичу не хватало, учиться сначала было непросто. Но боевому лётчику упорства не занимать.

В 1953 году он узнаёт, что из Челябинска по разнорядке требуется молодой партиец в Ленинградскую высшую школу профдвижения на отделение культурно-просветительской работы. В течение года усердно готовится. Для поступления необходимо было сдать четыре экзамена. Историю СССР, географию и литературу сдал на четверки, а сочинение написал на пять. Из потока поступающих только двое написали тогда сочинения на пятёрки.

Годы учёбы в высшей школе летели быстро. Андрей Абрамовский учился на отлично. За все время лишь одна четверка: по политэкономии социализма. В Ленинграде родился сын Александр. Жена Зоя стойко, с пониманием переносила возникающие трудности, устраивая быт, а Андрей дневал и ночевал в библиотеке. В ЛВШ давали серьёзное образование, преподавали и заслуженные деятели

культуры, и народные артисты, и профессора: истории, например, учили тогда Р.Л. Собсович, Ф.Ф. Зуев, Л.Ф. Тарновский, Н.В. Шафранская, М.А. Скворцов; психологии Н.А. Тих и другие.

В 1958 году, с отличием окончив факультет культурно-просветительской работы Ленинградской высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС (ныне Санкт-Петербургский гуманитарный университет), Андрей Петрович работал художественным руководителем Дворца культуры ЧМЗ, затем директором Дворца культуры завода имени Д. Колющенко. Он один из инициаторов создания там заводского музея.

ЧГПИ: ПУТЬ ОТ АССИСТЕНТА ДО ПРОФЕССОРА

С 1962 года по предложению ректора Евгения Михайловича Тяжельникова Андрей Петрович Абрамовский переходит на научно-педагогическую работу и в течение двадцати трёх лет трудится на кафедре истории КПСС в Челябинском государственном педагогическом институте. Начинал ассистентом на кафедре истории КПСС, преподавал на историческом, спортивном, биологическом факультетах.

В 1968 году Андрей Петрович направлен заведующим кафедрой, доктором исторических наук, профессором Н.К. Лисовским для обучения в очную аспи-

рантуру в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и через два года, в 1970 году, защищает кандидатскую диссертацию «Руководство большевиков Южного Урала борьбой за победу советской власти и проведение первых социалистических преобразований в промышленности» по специальности «История КПСС» (научный руководитель – доцент П.М. Горлов). **Становится кандидатом исторических наук, а с 1971 года доцентом.**

Продолжая работать в ЧГПИ, Андрей Петрович уделяет много внимания научно-исследовательской работе студентов, за что в качестве руководителя не раз удостоен звания лауреата республиканских конкурсов научных работ (1972, 1974, 1980). Преподавая историю КПСС, он проводит экскурсии для студентов по революционным местам Челябинска и области, на предприятия первых пятилеток, встречи с участниками Гражданской войны. В партбюро института курирует культмассовую работу.

Докторскую диссертацию «Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала» по специальности «История СССР» Андрей Петрович защищает в Уральском государственном университете (научным консультантом его был знаменитый академик И.И. Минц) в 1985 году. **Вскоре Андрей Петрович утверждён в научном звании профессора.** Научные интересы его по-прежнему связаны с установлением советской власти на Урале, причём особо большое внимание уделяется им процессу восстановления промышленности и транспорта края.

ЗАВЕДОВАНИЕ КАФЕДРАМИ

В июне 1985 года А.П. Абрамовский утверждён в должности заведующего кафедрой истории КПСС Челябинского государственного института культуры и искусств, а с 1987 года – Челябинского государственного университета. После распада СССР и ликвидации кафедры истории КПСС он был инициатором создания на историческом факультете ЧелГУ новой кафедры – истории советского общества (впоследствии переименована в кафедру новейшей истории России), которую возглавлял в общей сложности в течение семи лет.

С 1994 до последних лет трудится Андрей Петрович на кафедре социально-экономических дисциплин (с 2008 года это – кафедра историко-правовых дисциплин) Челябинского юридического института МВД России. Совместно с А.В. Горшковым, С.С. Смирновым, В.К. Шрейбером сыграл огромную роль в её становлении и организации учебного процесса.

НАУЧНАЯ РАБОТА

А.П. Абрамовский – создатель собственной научной школы по проблемам экономики Урала и истории оренбургского казачества. Он заложил основы изучения системы народного образования и культуры в среде войскового сословия, сформировал группу истори-

ков и краеведов по этой проблеме. По его инициативе в 1991 году в ЧелГУ был открыт диссертационный совет. Под научным руководством Андрея Петровича подготовлено и защищено около 40 кандидатских и 7 докторских диссертаций.

В 1992 году А.П. Абрамовский становится лауреатом премии имени В.П. Бирюкова. Изучение

Андреем Петровичем начального образования и военной подготовки в Оренбургском казачьем войске определяет широкую программу исследовательской деятельности. Ученым впервые обращено внимание на такие вопросы, как культурно-просветительская деятельность в казачьей среде, библиотечное дело, показан процесс формирования системы народного образования от начальных школ до создания высших начальных училищ и войсковых гимназий.

19 сентября 1995 года А.П. Абрамовский удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 1999 году награждён премией Губернатора Челябинской области. А в 2000 году в Москве избран действительным членом Академии военно-исторических наук.

В 2001 году Андрей Петрович становится лауреатом премии имени генерала майора Ф.М. Старикова за научные исследования, посвящённые истории Оренбургского казачества, большой вклад в дело возрождения культурных, научных, патриотических,

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

хозяйственных традиций казачества Челябинской области.

Благодаря его плодотворному сотрудничеству с М.Д. Машиным и В.С. Кобзовым в Челябинске появилась настоящая научная школа по изучению истории оренбургского казачества. Под редакцией А.П. Абрамовского вышло в свет 12 научных сборников и монографий, посвященных исследованию различных аспектов жизни казачьего сословия. **В 2009 году верховным атаманом Союза казаков России ему присвоено звание «Почётный казак»** за вклад в изучение истории Оренбургского казачьего войска.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андрей Петрович – автор более пятисот научных работ, посвященных проблемам установления советской власти, Гражданской войны, развития промышленности на Урале, истории казачества. Постоянно оказывал он неоценимую научную консультативную помощь участникам движения за возрождение казачества в Уральском регионе. Он сопредседатель и руководитель Челябинского отделения Оренбургской научной комиссии. Член редколлегии журнала «Уральский федеральный округ (УрФО)».

А.П. Абрамовский внёс весомый вклад в создание энциклопедий «Челябинск» и «Челябинская область», будучи членом РИС издательства «Камен-

ный пояс» и автором-составителем данных изданий, за что в 2010 году удостоен знака отличия «За заслуги перед Челябинской областью».

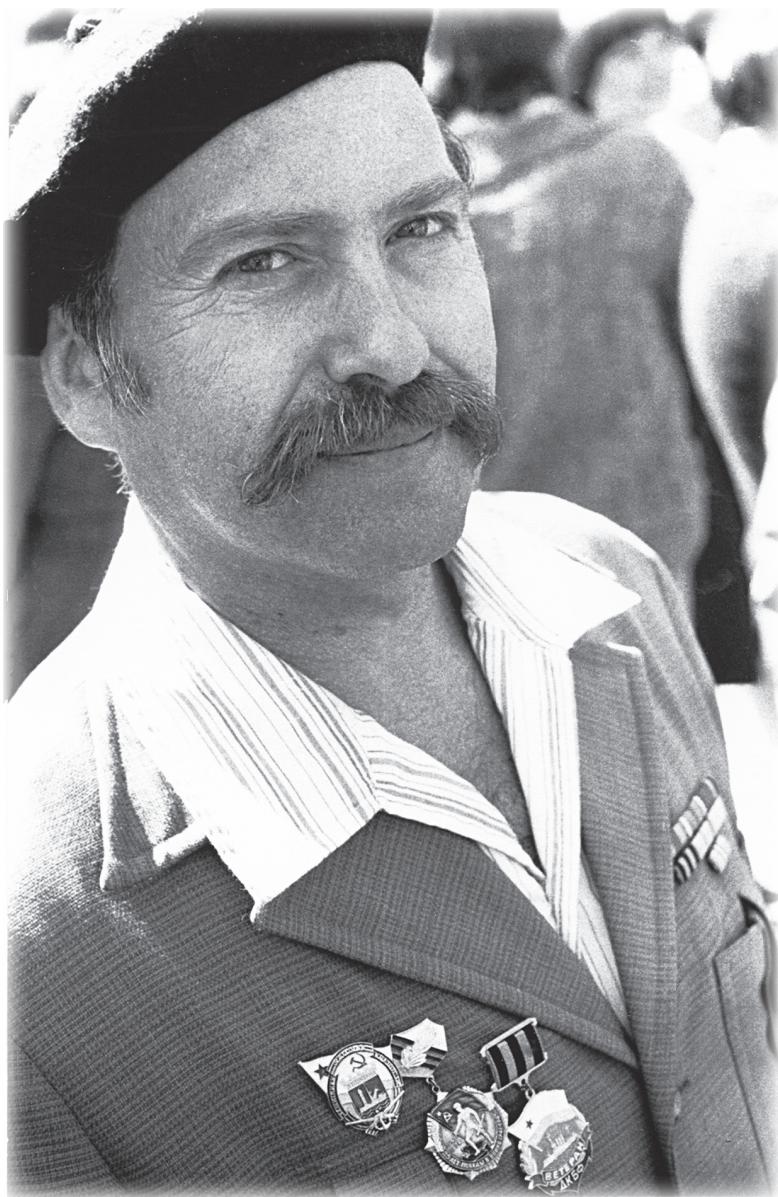
ЭПИЛОГ

Андрей Петрович Абрамовский ушёл из жизни десятилетие назад, 24 октября 2014 года, и похонится на Градском кладбище города Челябинска.

Среди сегодняшних преподавателей истории России, работающих на Южном Урале, трудятся его многочисленные ученики, молодое поколение по-клонников «Клио» помнит его неуёмную заразительную тягу к науке, постоянную поддержку и сердечно благодарно своему Учителю за привитую исследовательскую активность и любовь к истории.

Помним, что 21 сентября 2024 года ознаменовано 100-летием со дня рождения фронтового лётчика, педагога, талантливейшего представителя профессиональных историков-исследователей Урала, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Андрея Петровича Абрамовского, чей насыщенный событиями и свершениями жизненный путь в полной мере отражает историю нашей страны, а четверть века связана с историей нашего педуниверситета.

|||||| К 80-летию Великой Победы |||||

БАЛТИЙСКОЕ МУЖЕСТВО. РИД БРАНДЕСОВ

РАННЕЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Родился Рид 24 июня 1924 года в Ленинграде. Отец, Фёдор Алексеевич, и мать, Ирина Наумовна, были партийными работниками. С детства тянулся к литературе, писал стихи – любовь к поэзии и чтению книг унаследовал от матери, которая ещё и преподавала в ЛИФЛИ. Двенадцатилетним мальчиком остался без попечения родителей: в 1937 году их репрессировали, а в 1938 году отец погиб в ГУЛАГе, оба реабилитированы позже. Осиротевший подросток попадает сначала в детдом, затем проживает в г. Пушкине Ленинградской области, в семье своей тёти Мирры, там и настигла его война.

Воскресным утром 22 июня 1941 года из репрессированного, чёрные круги которых тогда висели повсюду на улицах города, 16-летний Рид услышал выступление председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотова о нападении Германии и начале Великой Отечественной войны, в память врезались заключительные слова: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»*. С тревожной новостью сначала поспешил домой, затем в школу, где, руководя комсомольской ячейкой, налаживает круглосуточное дежурство старшеклассников. 24 июня, в свой день рождения, Рид срочно вызван в райком комсомола, где получил поручение: собрать по цепочке

всех старшеклассников, чтобы до утра освободить помещение школы от мебели, подготовив для госпиталя. Всю ночь выполнялось задание: из школы были вынесены все шкафы и парты, о чём Рид оперативно докладывает в райком.

Вскоре в городе организуется истребительный батальон для борьбы с возможными парашютными десантами. Вступив в него, Рид получил винтовку для участия в ночном патрулировании и задержания подозрительных личностей. В одно из дежурств им был отправлен в штаб батальона подозрительный мужчина в штатском, на допросе выяснилось, что он немецкий парашютист.

В августе начинается эвакуация, родные спешно покидают Пушкин, а Рид перебирается в Ленинград, к своей тёте Галине Наумовне.

БЛОКАДА

В Ленинграде юноша начинает свой трудовой путь – устраивается работать на фабрику «Победа» и записывается в народное ополчение. Процедура вступления туда запомнилась ему так: длинная очередь, где, затем записывая фамилию, задают лишь один вопрос: «Защитим?» – и получив утвердительный ответ, вручают винтовку.

Восьмого сентября 1941 года гитлеровской авиацией совершён первый воздушный налёт на Ленинград: бомбят Бадаевские продовольственные склады – всё небо в чёрных тучах пожара.

В городе возникает напряжение с продовольствием. В воскресный день Рид едет в Пушкин набрать картошки с брошенных огородов – это была последняя, уже небезопасная поездка. Пушкин становится линией фронта: в районе парков летят в воздух деревья, идет непрерывная бомбёжка. Набирая картошки, Рид ощутил, как мимо него на минимальной высоте пронесся на мессершмитте немецкий ас. Застыв в ужасе, юноша отчёлово увидел немецкого пилота, который повернул голову в очках в его сторону. Наивно надеясь где-нибудь поесть, Рид бродил по пустынным улицам в поисках столовых, но все они оказались закрыты. На вокзале люди прятались в подземных туннелях. Стоя там, он услышал, как дежурный по вокзалу кричит в полевой телефон: «Больше состав на Пушкин не подавать!». Возвращаться в Ленинград Риду пришлось вместе с группой из трёх женщин и мужчины по шпалам.

Со стороны Пушкина гремит канонада. Попутчик в раздавленном горем состоянии, без кепки, рассказывает, как приехал на воскресенье домой (многие жители Пушкина работали в Ленинграде), а тут бомбёжка. Семья прячется в открытую во дворе щель. Затем жена идет домой, за ней бегут остальные, и на его глазах бомба попадает в дом – гибнут и жена, и дети – гибнет всё. В потрясении, схватив попавшийся под руку пиджак, он спешит обратно к вокзалу... Возвращаясь в Питер, путники, кроме отдельных зениток, не встречали никаких подразделений наших войск.

В Ленинград пришли под утро, в город без пропусков не пускают. Рид сидел на Витебском вокзале до шести утра, потом всё-таки ему удаётся попасть домой.

Первым делом он готовит финский нож, считая, что немцы скоро будут в городе, и раз от Пушкина не видно никаких наших войск, придётся драться с фашистами.

Во время первой блокадной зимы умерла тётя Галина. Рид отправился сообщить в поликлинику, чтобы взять справку. Участковый врач Красовская, ранее цветущая и державшаяся, навещая тёту, бодро, даже шутя с ней, что они «ещё потанцуют», – сейчас сидит безучастно и, слушая его, лишь равнодушно роняет: «И ты загнёшься». И юноша воспринимает это с тупым равнодушием дистрофика, которое было теперь и в самой докторше Красовской, когда-то красивой и отзывчивой.

Во дворе у дома Рида вдруг окликнула женщина и попросила поднять с ним вдвоём домой обессилевшего мужа. Он помогает тащить неподвижного дядьку на шестой этаж. Дотащив, женщина сует какую-то бумажку – деньги за помощь, но Риду совестно и страшно брать плату за такую услугу.

Обо всех ужасах блокады написать невозможно: как ежедневно везли на кладбище завернутые в простыни тела; как люди падали на улицах от голода, как рушились дома от бомбёжки, как немецкий снайпер сметал очередь, стоявшую за пайкой хлеба, которая составляла тогда 150 граммов; как сдирали в кровь обмороженные руки, когда приносили воду из проруби в ту, как будто назло суровую, блокадную зиму.

В конце 1941-го – начале 1942 года Рид работает в «Ленкниге», а весной тележником в «Ленхлебторге». И вот в одну из поездок за хлебом, он возил его в булочную, такой же юный тележник, как и он сам, Толя

Комиссаров, сказал ему, что на Васильевском острове есть пункт, где записывают добровольцами на флот. И они ринулись туда.

Действительно, там записывали тогда на радиокурсы, пренебрегая юным возрастом добровольцев. С Ридом беседовал капитан 3-го ранга Д.Л. Штейнбах, выясняя, кто он и откуда. В ходе беседы внезапно спросил его: «Танцуешь?». Этот вопрос показался юноше странным для серьёзного разговора, и он зло ответил: «Пляшу!». Тут капитан внимательно посмотрел на него и сказал: «Я запишу тебя, но, если не будет дисциплины, растерзаю!». А юный доброволец был готов на любые жертвы, лишь бы попасть на флот!

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Рида записали на радиокурсы Краснознаменного Балтфлота, возглавляемые Давидом Штейнбахом. После непродолжительной учёбы юноша попал на флот, но только по достижении восемнадцатилетия смог принять присягу и стать полноценным матросом.

В марте 1942 года явившихся с ложкой и кружкой, в том числе и Рида, старшина ведёт в Балтийский флотский экипаж – учреждение, где формируются морские части. Несколько остановок едут на трамвае; один из пассажиров, взглянув на новобранцев со старшиной, всё понял и назвал их «бравыми мичманами».

Когда подошли к воротам экипажа и, впустив матросов, они стали медленно закрываться, старшина

торжественно изрёк: «Вот так десять лет назад и за мной закрылись эти ворота!». Все застыли, почувствовав и осознавая нечто значимое и неотвратимое – свою судьбу.

Молодых матросов встретили таблички на всех помещениях и переходах: «Трап», «Кубрик», «Камбуз», «Виадук». Сначала находились в кубрике с голыми двухъярусными койками. Здесь до них уже были призывники. Грязнул артналёт – стены содрогнулись от взрывной волны. Тут один из призывников, мужчина лет тридцати, задрожал, как в лихорадке, и сквозь зубы, успокаивая себя, стал твердить: «Спокойно, спокойно...» Молодёжи стало смешно: или нервы были крепче, или уже привыкли, или храбрее, а может, просто глупее...

Начались баня, стрижка, получение обмундирования, многочисленные комиссии, перемещение из кубрика в кубрик. В бане остриженные «под нулевку» облачились в форму – жёсткую брезентовую робу. Шутники ставили брюки на пол и делали вид, что пытаются в них запрыгнуть. Смотрели друг на друга и не узнавали: круглоголовые, в тельняшках, в робах, скрывающих особенности фигуры, – все они стали как один!

Затем перевели в кубрик, где располагались бывалые матросы. Это были взрослые, крепкие, – против них, блокадных заморышей, – настоящие богатыри, которые заняты самообслуживанием: стирали в рако-

вине гюйсы, гладили форменки, брились, надраивали бляхи и пуговицы бушлатов. Молодые матросы, затаив дыхание, следили за каждым их движением и словом. Снисходя до новичков, некоторые вступали с ними в общение. Сказанное о службе запечатлевалось, как священные заповеди: «Непочтение к “родителям” – на флоте грех». Родители здесь – флотское начальство! Знай, как следует, свою специальность, дело своё делай хорошо... В столовой, где на столе стоял большой бачок на шестерых, сидели люди разного возраста. Один из них попытался у разливающего – разводящего – перехватить пустой бачок, чтобы облизать его, но услышал: «Папаша, да я и сам сумею это сделать!».

Радиошкола разведывательного отдела штаба КБФ – первое место службы Рида Брандесова – располагалась в здании бывшего института благородных девиц – Смольного.

Вахта – особое время одиночества, сосредоточенности общения с таинственным и безграничным миром, живущим только в звучании, – эфиром. Когда ты один на один с зелёным глазком приемника, а вокруг в невидимом четвёртом измерении кипит разнообразная жизнь – тысячи ритмических голосов, мелодических и не очень, громких и вкрадчивых, шумов, шорохов и неясных вздохов, – так думалось Риду. Иногда он ловил себя на мысли о стремлении слушать эфир как музыку, и это было незабываемым удовольствием. Однако нужно было работать – различать в этой симфонии голоса, искать волну, отличать друг от друга станции немецкого военного флота, что есть что: эсминец, подводная лодка или сторожевой

корабль. А как они отчаянно маскировались – разговор идёт только шифром, позывных нет, безымянные станции прихотливо меняют волны и время работы, – надо разгадывать и цепляться за невидимое, искать чисто тональные различия станций, неповторимость каждого радиоголоса.

Манера, почерк радиста всегда индивидуальны, как и человеческий голос, и по ним можно узнать того, кого слушаешь и ловишь. Но педагогический шедевр немецкой флотской школы: у всех радиотов врага почерк одинаков, точно размеренный темп передачи, длина знака одинакова, будто работает не человек, а автомат. Остаётся вслушиваться в то, что незаметно для нетренированного уха, искать отличие звучания каждого радиопередатчика отдельно взятого корабля – мягкость или резкость сигнала, всевозможные обертоны звука: звонкость или приглушенность, чистота сигнала, дополнительные шумовые характеристики.

И вот, чтобы твой сменщик на вахте различил тот же корабль, что и ты, пытаешься определить и записывать для него те признаки, которые отличаешь «в голосе корабля»: удар в медный таз, удар в подушку, квохтальные сигналы. Если запись удачна, то станция узнается сразу, а это значит, что корабль схвачен, определен. И если ещё будет взят приличный пеленг – направление на место корабля, тогда он будет обнаружен как бы ни маскировался в бескрайних морских просторах. А значит, работа радиста-разведчика сделана и сделана хорошо.

Шла тихая синяя балтийская ночь. Эфир пустынен. Вдруг почти невнятно несколько шифрованных

групп в три–четыре слова – и снова молчок. Ага! Этот голос со сменщиком они называли «Лодка № 1». Рид записывает в бортжурнал. И вот ещё... необычное, как правило, подлодки очень осторожны и часто «не высчитываются», а тут...

Прибегает оперативный дежурный. Взволнован. Спрашивает: «Одна и та же лодка?». Рид утвердительно кивает, но тут опять короткая радиограмма. Снова появляется дежурный, раздраженно покрикивая, не ошибается ли радиостанция! В азарте забывается, что перед тобой капитан-лейтенант, а ты просто « рядовой Шульц» (так, сатирически относясь к действительности, называл себя наш герой), но Рид отвечал твёрдо и даже резко: «Лодка одна и та же!».

Причину нервозности узнал позже: пеленг, который успели взять наши пеленгаторы, указывал в немыслимую сторону, к самому Кронштадту, и дежурный сомневался, передавать ли эту ахинею в штаб флота. Наконец, он решился и передал. В штабе не менее осмотрительные офицеры направляют самолёты в указанный квадрат и те бомбят его.

Впоследствии выяснилось, что дерзкая лодка подобралась, минуя минные поля, прямо к Кронштадту... И села на мель. Рид представил, что могла натворить она в самом сердце нашей базы! Пират испугался, ведь его сигналы, которые и поймал Рид, сообщали своему командованию о беде. Но тут наши самолёты «прищучили» лодку... Всё это незабываемые впечатления.

Или привезли пленного немецкого флотского радиостанции. Ввели в рубку, посадили на стул. Затем, усилив

громкость, дали слушать работу их корабельных радиций, уточняя наши интуитивные догадки: «Это сторожевик?.. А это тральщик?» – говорили ему по-немецки. Глаза у вражеского радиста сделались белёсыми и челюсть просто отвисла: бедняга и не подозревал, что его слушает противник, да ещё так дотошно.

Однажды из первого увольнения пришел сослуживец Ким Племянников, ему удалось встретиться с отцом, и в ночь перед вахтой Рид с Кимом горячо говорили на нравственные темы: «Солдат в окопах. Мы обязаны ему всем. То есть мы в рубках у радиоприемников в относительной безопасности, а он, солдат, несёт на себе всю тяжесть войны». Гены интеллигента в третьем поколении – вещь непреодолимая: вечное чувство вины перед всеми, кому тяжелее, чем ему. Тогда, в 1943-м, матросы стали настойчиво бомбардировать начальство рапортами с просьбой списать их в пехоту, в окопы.

Командование вынуждено было пригласить на встречу с матросами адмирала А.Н. Петрова, начальника штаба флота. Адмирал высоко оценил их патриотический порыв и привёл убедительные данные о том, какие плоды приносит военная служба на флоте, отметив, что каждый из матросов вносит столько же во вклад в победу, сколько целый полк пехоты на фронте! После этой речи адмирал вручал награды. **Представлен к награде был Рид Фёдорович Брандесов, он получил медаль «За оборону Ленинграда», за обнаруженную им подлодку и потопленную помимо разведданных, согласно фор-**

мулировке приказа, он «лично запеленговал работу радиостанции одной из вражеских подводных лодок, уничтоженной затем нашими вооруженными силами по его наводке».

Матросы осознавали свою роль в войне и больше не рвались из флота, а доблестно сражались своими средствами.

...И вот, наконец, ночная радиовахта с 8 на 9 мая 1945 года. Отчаявшиеся немцы отбрасывали все шифры и радиоухищрения, отдавая приказ на всех волнах открытым текстом и нервно повторяя о необходимости всем кораблям флота идти на запад, в Киль.

Приказ подписан самим адмиралом Карлом Деницем. Знаний Рида хватает, чтобы прочесть и понять все эти радиограммы. Эфир весь звенел и гудел!..

И вот сквозь это половодье морянки пробиваеться голос Левитана, торжественно читающего Приказ о победе!

Рид Брандесов звонит в отдел и выскакивает из палатки. Но он уже не первым узнал эту ошеломительную новость: весь ночной небосклон озарился залпами, бьют из всех видов оружия, фейерверки сверкают трассирующими пулями, грохот и огонь сотрясают балтийскую ночь. Хватая свой автомат, и наш герой вписывает в этот залп свою ликующую очередь: «Победа!!! Наконец-то! Победа!».

После мая 1945-го Рид Фёдорович продолжал служить на Балтике радистом и демобилизовался только в 1950 году в звании главного старшины ВМС.

ЧЕЛЯБИНСК. ЧГПИ

После службы фронтовик поступает учиться на филологический факультет Житомирского педуниверситета. Туда получила распределение на практику Мира Павловна Штро, уроженка г. Новгорода, выпускница Ленинградского пединститута иностранных языков, ставшая его женой; в Житомире родилась их дочь Инна (в будущем тоже учитель), но после окончания им первого курса, в 1951 году, семья переезжает в г. Челябинск. Рид Фёдорович переводится на вечернее отделение историко-филологического факультета в ЧГПИ, работая сначала комендантлом, затем делопроизводителем 3-го участка Дорожно-строительного треста ЮУЖД; супруга начинает здесь свою трудовую деятельность на кафедре английского языка ЧГПИ.

В 1954 году без отрыва от производства Рид Фёдорович Брандесов оканчивает с отличием ЧГПИ, получив специальность учителя русского языка и литературы. Шесть лет трудится он учителем словесности в школе № 10. Работает вдохновенно – учительство и литература были его призванием, он внимателен к детям: подмечает их находки и достижения, восхищается успехами. Рид Фёдорович умеет и любит учить даже безнадёжно неуспевающих. Пользуется безоговорочным авторитетом и у коллег, и у школьников, особенно у мальчишек – все они хотели учиться у него. Когда Рид Фёдорович увольнялся, в школе переживали, но и здесь он сохранил верность, оставшись в ней по совместительству методистом.

В 1960 году Рид Фёдорович пришёл на работу в Челябинский государственный педагогический институт преподавателем на кафедру литературы. С 1966 года он обучается в аспирантуре ЛГПИ им. А.И. Герцена: трудится над научным исследованием на тему «Самостоятельный анализ художественного текста учащимися старших классов». Ленинградская кафедра методики преподавания литературы тепло считает его своим. В 1968 году Р.Ф. Брандесов успешно защищает диссертацию на соискание степени кандидата пед. наук, а в 1971 году становится доцентом.

С 1970-х годов по линии Челябинского областного института усовершенствования учителей он ведёт большую методическую работу: проводит семинары, делится накопленным опытом с преподавателями из Челябинска, Миасса, Октябрьского, Кунашакского и других районов области. Многие годы с тем же институтом по совместительству сотрудничает и его первая супруга, Мира Петровна Брандесова (с 1951 по 1956 год преподаватель ЧГПИ, затем СШ № 40, ЧПИ и снова ЧГПИ до 1981 года), которая ведёт там теоретические и практические курсы иностранного языка.

Второй женой Рида Фёдоровича стала Маргарита Павловна Бортникова, известный в городе учитель литературы, практически воплощавшая в своём пед. творчестве идеи его «эстодидактики». В этом браке в 1980 году родилась дочь Майя, которая пошла по стопам родителей, окончив филфак нашего вуза (2002); сейчас она работает зав. литчастью НХТ г. Челябинска; автор пьес, стихов и статей о театре.

В 1986 году Риду Фёдоровичу Брандесову присвоено звание «Отличник народного просвещения», на филфаке родного вуза он трудился до 1999 года, отдав ЧГПИ 40 лет стажа.

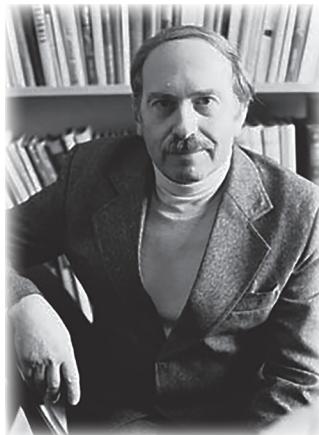
ОТКРЫТИЯ УЧЁНОГО-МЕТОДИСТА

Р.Ф. Брандесов – известная персона в методике преподавания литературы. По своей эмоциональной и профессиональной убежденности он «шестидесятник» – энтузиаст-просветитель и поэт-романтик:

Море спокойно шумит.
Море, шепча, говорит...
«Нет на земле слёз и горя», –
Слышно мне в лепете моря.
В море зажглися огни,
Где-то вдали корабли...
Тучи луна серебрит,
Ветер волну теребит.
Плещутся волны у трюма,
Думают вечную думу.
Пеною блеск изумрудный
Кроет их сон непробудный.

Интересно, что едва ли не единственным из провинциальных по прописке учёных он стал соавтором вузовского учебника «Методика преподавания литературы», выпущенного издательством «Просвещение» в 1977 году и переизданного 1985-м. Среди его ма-

ститых авторов (московский профессор Н.И. Кудряшев и ленинградская плеяда учёных под руководством профессора З.Я. Рез: М.К. Качурин, В.Г. Маранцман, Н.А. Станчек, Т.Г. Зверс, Т.В. Чирковская) лишь два методиста из провинции: Я.А. Роткович (г. Самара) и Р.Ф. Брандесов (г. Челябинск). Риду Фёдоровичу принадлежит глава «Учёт и оценка знаний». Статьи его также публикуются в «Литературе в школе» – подчеркнём, в единственном тогда в СССР методическом журнале.

Центром научных интересов Рида Фёдоровича являются проблемы преподавания литературы как искусства слова, эстетического воспитания. Поэт в душе, он и в науке мыслил метафорически. Понятие «эмоциональный резонанс» стало его визитной карточкой ученого-методиста. Свидетельством этому служат ссылки в диссертациях на работы Р.Ф. Брандесова. Педагог был убеждён в том, что «воспитание человека невозможно без воспитания сферы чувств, вне формирования способности сочувствия, эмоционального отклика на чувства других», и искал способы организации эмоционального резонанса на уроке. Исследователи констатируют, что ситуация с преподаванием литературы и в наши дни складывается драматично, и как современно звучат тут его страстные суждения: «Делают ли сегодня школьные предметы – литература, музыка, рисование – выпускника массовой средней школы

художественно образованным? Нет, так как общепринятые в школе методы обучения искусству неадекватны своему предмету и потому не могут закономерно приводить ни к творческому, ни к общеэстетическому развитию учащихся. Предметы эстетического цикла в школе – Золушка, из которой пытаются сделать служанку, полезную для дома, а она сильна иными качествами – красотой, радостью, которую дарит людям, счастьем своего существования!». В 1980-е годы Рид Фёдорович начал разработку дисциплины, призванной стать теорией эстетического воспитания, которую назвал «эстодидактикой».

Ведущая идея его как методиста – это, говоря словами М. Лермонтова, «одна, но пламенная страсть», а именно организация художественного восприятия на уроке литературы. Рид Фёдорович пишет: «Все дальние и близкие цели литературы как школьного предмета могут быть достигнуты только через художественное восприятие лит. произведений школьниками, через определённую организацию этого восприятия. Поэтому ощущается необходимость разработки путей управления художественным восприятием школьника... Организуя его в процессе преподавания, учитель формирует и развивает растущего читателя». И это навсегда останется актуальным потому, что все цели предмета литературы по-прежнему сводятся к тому же; заметим, становясь всё более злободневным с развитием информационных технологий, когда утрачивается ценность предмета, потому что изучение произведений зачастую превращается в поиски готовых ответов в интернете, обучение осмысленному чтению было и остаётся насущной задачей образования.

Новаторством Р.Ф. Брандесова как учёного-методиста является его обращение, опираясь на психологию, к такой тонкой сфере художественного восприятия, как эмоции.

В 1978 году издательство ЧГПИ выпустило первую часть разработанного им учебного пособия «Организация художественного восприятия и урок литературы», а в 1979-м вышла вторая его часть. В 1883 году написаны методические рекомендации «Моделирование урока литературы» и учебное пособие «Вопросы эстодидактики». Всего по исследуемой проблеме учёным-методистом опубликовано более 50 работ в России и за рубежом.

В 2017 году, десять лет спустя после ухода из жизни учёного, Н.П. Терентьевой, его ученицей и последователем, были опубликованы «Избранные труды» Р.Ф. Брандесова.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Во второй половине прошлого века в вузе работало достаточно много преподавателей, прошедших войну. На их фоне Рид Фёдорович Брандесов, ленинградец, моряк, выделялся своим харизматичным поведением, живостью натуры, красивыми манерами и характерной морской походкой. Несмотря на темперамент и эмоциональность, в нём всегда присутствовала благородная сдержанность, присущая старшему поколению фронтовой закалки. Для студентов он всегда был подлинным наставником, внимательным, сопричастным,

тактичным, бережным, искренне заинтересованным в успехе. Для коллег – приветливым, отзывчивым, лёгким в общении, эрудированным собеседником, с тонким чувством юмора (запомнилась его щуточная поговорка «всё хорошо, идём ко дну», видимо, ещё со времён службы), улыбчивым, обходительным и никогда не унывающим.

Искусством диалога во всех его проявлениях Рид Фёдорович владел в совершенстве. Посвятившая в профессию, он «ставил» будущему учителю не только знания и чувства, но и голос, жест, интонацию – всё,

что работало на эмоциональный резонанс. Сам он был исключительно выразителен в слове, в жесте, в реакции. Например, в ответ на красивое методическое решение, по воспоминаниям преподавателя филфака Л.Т. Бодровой (бывшей его студентки), на практическом занятии от полноты чувств он мог воскликнуть: «Бодрова! Дай я тебя расцелую!» Или: «Нинка! Ты моло-дец!» – и это звучало, как «Ты королева!», и не было фамильярностью. Он и свою дочь называл Майкой. Это была своеобразная форма доверия и сопричастности.

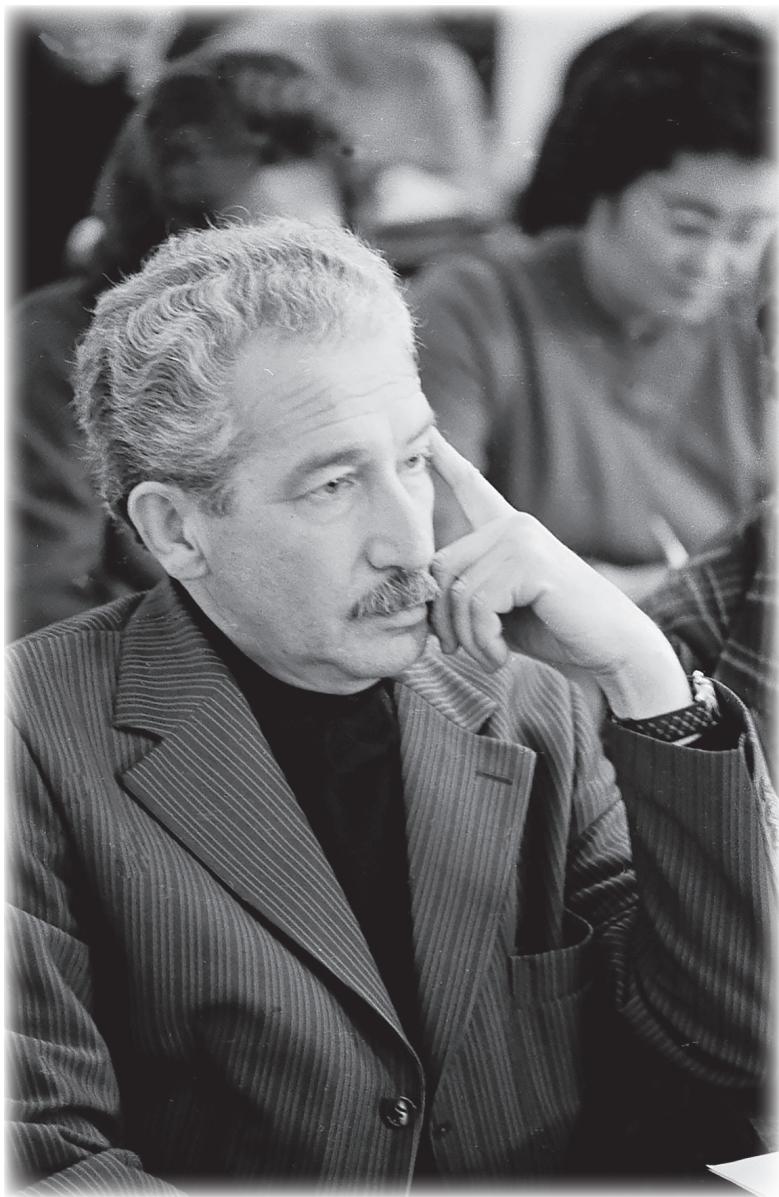
Студенты всегда мечтали попасть на педпрактику в группу Рида Фёдоровича, даже если в назначеннюю школу надо было ехать через весь город. Как-то они

подарили ему на Новый год грампластинку с классической музыкой, написав: «Любимому учителю от любящих учениц». Резонансом на личность самого педагога и его методику стали уважение и любовь к нему многих поколений выпускников ЧГПУ.

В 75 лет Рид Фёдорович вышел на пенсию, но не стал «отставным» методистом, а живо интересовался школой, новыми авторефератами по методике, писал отзывы, и это было, как он отвечал, ему «страшно интересно». Как и многие люди военного поколения, Рид Фёдорович при жизни не получил всего, чего заслуживал, чего был достоин: доказывать свои права на ветеранские льготы и привилегии фронтовик не хотел: скромно не считал нужным.

Его не стало 5 января 2007 года, на 83-м году жизни. Ровно половину её трудился Рид Фёдорович Брандесов в родном вузе. 2024 год отмечен 100-летием педагога, учёного-методиста, отличника просвещения СССР и РСФСР, фронтовика, награждённого орденом Отечественной войны II степени (1985); медалями «За оборону Ленинграда» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (1945), «За боевые заслуги» (1947), медалью Жукова (1996); юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне, «300 лет Российскому флоту» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга», почетными знаками «Защитнику Кронштадта», «Фронтовик 1941–1945 годов» и «Ветеран Балтийского флота»; имя его навсегда вписано в историю нашего университета и останется в сердцах его учеников и последователей.

|||||||||| К 80-летию Великой Победы ||||||||

НА ВЫСОТЕ В БОЮ И В ЖИЗНИ. ЛЕВ ЭПШТЕЙН

НАЧАЛО ПУТИ

Родился Лев 2 августа 1919 года в г. Орша Белорусской ССР в семье служащего. В 1928 году переехал с родителями в г. Минск, где пошел в школу и на протяжении десяти лет учился только на отлично, приобретя много закадычных друзей-одноклассников, связь с которыми поддерживал всю жизнь. В октябре 1938 года Лев был призван в ряды Советской Армии. В Ленинградском военном округе он учится в школе младших командиров 201-й Воздушно-десантной бригады имени С.М. Кирова.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

В 1939–1940 годах в составе воздушно-десантной бригады Лев Эпштейн участвовал в войне с белофиннами. Когда в июне 1941-го началась Великая Отечественная война, девятнадцатилетним старшим сержантом сразу попал на фронт, где был ранен, контужен в бою и вынесен из кромешного пекла так и неизвестным ему, по предположению, затем сразу погибшим солдатом.

Месяц Лев Ефимович находился на излечении в госпитале в г. Боровичи Новгородской области, а после выписки вновь направлен на фронт.

Учитывая прошлый опыт, **весной 1942 года попал в 11-й Гвардейский истребительный авиационный полк 2-го гвардейского авиационного округа в качестве инструктора парашютной подготовки летного состава.** Приходилось непросто: теснота, грязь, сырость, а парашюты нужны сухими и их надо сложить так, чтобы не «заело» при прыжках и любой из них безотказно раскрылся, каждый парашют неизменно проверялся: иначе нельзя – ведь и новый самолет тоже нуждается в испытании.

С момента образования в 1942-м и до победы в 1945-м полк, в котором служил Лев Эпштейн, был задействован в обороне коммуникаций, проходящих по Ладожскому озеру, действовал в районе Ленинграда, а также привлекался ко всем операциям, проходившим в этом регионе: в сентябре-октябре 1942 года поддерживал действия наземных войск в районе Шлиссельбурга, Невской Дубровки; в январе 1943-го – в прорыве блокады Ленинграда, в феврале этого же года – в проведении частной

Красноборской операции, летом – прикрывал мосты через Волхов, участвовал в Мгинской наступательной операции; в январе 1944 года принимал участие в Ленинградско-Новгородской операции, а в июне – в Выборгской наступательной операции, а также в налёте сил ВВС Балтийского флота на Котку, в результате которого был потоплен крейсер ПВО «Ниобе». В задачи полка входила очистка неба от истребителей противника до подхода бомбардировщиков и штурмовиков. Части, в которых служил и Лев Эпштейн, называли иногда «привилегированными»: они находились дальше других от линии фронта, паек был больше и даже сто граммов спирта полагалось. Зато здесь равно рисковали все: и рядовые, и командиры. Всем приходилось прыгать с парашютом, а значит, быть постоянно в форме.

...Спустя годы после войны, просматривая фильм «Живые и мертвые», Лев Ефимович отчетливо представлял «дорогу жизни» через Ладожское озеро, по которой везли продукты в Ленинград ночью, а иногда даже и днем, когда все как на ладони, и испытывал мороз по коже от одних воспоминаний...

Несколько раз он работал по заданию штаба партизанского движения. Сначала в Ленинграде готовилась группа десантников, их обучали, тренировали, а потом самолет шел ночью через линию фронта в заданный район: били зенитки, метались лучи прожекторов, но не так просто сбить самолет ночью...

На фронте Лев Эпштейн обрёл замечательных друзей – это был спаянный, веселый и самоотверженный народ. С двумя из однополчан, Героями Советского

Союза Иваном Рыбиным и Михаилом Евтеевым, он дружил до последних лет своей жизни.

С конца 1944 года 11-й авиаполк барражировал над Ленинградом, однако его силами даже 8 марта 1945 года был сбит последний вражеский самолёт, пытавшийся пролететь к нашей северной столице.

В день долгожданной победы, 9 мая, – как вспоминал Лев Эпштейн, – все, кто мог, с увольнительными и без них сбежали в Ленинград – и это был единственный за годы войны случай, когда «самоволка» была прощена.

Закончилась война, но только в октябре 1945 года был демобилизован молодой ефрейтор Лев Эпштейн, награжденный медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

МИРНОЕ ВРЕМЯ. УЧЁБА В ЛГУ

По возвращении сразу был зачислен студентом на экономический факультет Ленинградского государственного университета. В 1949 году экстерном, сдав за один год экзамены и зачеты за два курса, Лев Ефимович оканчивает университет с отличными оценками в дипломе по специальности «преподаватель политэкономии». Стимулов для экстерната было два: **во-первых**, жажда знаний, стремление наверстать упущенное в войну и, **во-вторых**, любовь к самой краси-

вой девушке университета, учившейся курсом старше, и желание одновременно с ней окончить университет. Ревекка Нахимовна Лихтенштейн тогда стала его женой (и долгие годы после их распределения работала в ЧПИ доцентом на кафедре политэкономии).

ЧЕЛЯБИНСК. ЧГПИ

В августе 1949 года по путевке Министерства высшего и среднего специального образования СССР Лев Ефимович начинает работать в Челябинском государственном педагогическом институте ассистентом на кафедре марксизма-ленинизма.

Научно-педагогическая карьера его – следствие большой работы, глубоких научных исследований, лидерских качеств талантливого педагога. Уже в 1954 году защищена кандидатская диссертация по политэкономии, в 1959 году он избран на должность доцента, а в 1960 году ВАК присваивает ему ученое звание доцента.

В начале 1960-х кафедра марксизма-ленинизма была расформирована, на ее базе возникло несколько новых кафедр. **В 1962 году заведующим кафедрой политической экономии был назначен Л.Е. Эпштейн.** Он много работает, формируя «лицо кафедры», уже в 1963 году открывает аспирантуру. Начинает складываться научная школа. Универсализм научного мышления, широчайшая эрудиция проявляются в том, что кандидатские диссертации его

аспиранты и соискатели защищают и по политэкономии, и по педагогике, и по философии. Его ученики С.И. Машкауцан, Ф.Е. Губницкий, Л.П. Мельникова и др. под его руководством много сделали для развития кафедры, поддержания ее традиций. Теория экономического воспитания плодотворно развивается в трудах доктора педагогических наук, ректора ЧГПУ профессора А.Ф. Аменда, кандидатской диссертацией которого руководил Лев Ефимович.

Предметом его научных исследований была проблема экономического воспитания и образования трудаящихся, она лежит на стыке нескольких наук: политэкономии, педагогики, социологии, философии. **Итогом работы стала докторская диссертация по теме «Экономические факторы воспитания коммунистического отношения к труду»,** которую он защитил в 1967 году, но только в 1970 году она была утверждена ВАКом. С позиций сегодняшнего дня тема кажется безнадежно устаревшей. Но вчитайтесь в текст: «Когда человек трудится, он может двигаться к цели проторенным путем, делать так, как до него много раз делалось. Но можно постараться отыскать новые пути, средства, методы, решения» – ведь это и о предпринимательстве, о том стремлении по-новому соединить известные факторы производства, которое свойственно предпримчивому человеку, не бывшему в то время героем газетных страниц. **«Одних знаний мало – надо еще уметь, хотеть и привыкнуть повседневно применять приобретенные знания».** Он говорил о необходимости экономического всеобуча, о серьезном

отношении к экономическому образованию и многое делал сам в этом направлении. В учебном пособии «Экономика и ты» (Москва, 1971) он писал: «*Работа для экономически грамотного человека становится интересней, жизнь богаче*».

В нашей стране Л.Е. Эпштейна по праву считали руководителем целого научного направления. Под его началом кафедра проводила всесоюзные конференции, выпускала сборники научных статей, вела громаднейший объем научных исследований на предприятиях города и области. При кафедре была создана лаборатория социологических исследований. В 1969 году работа кафедры и лаборатории получила положительную оценку коллегии Министерства просвещения РСФСР.

В 1960-е годы в мире формируется новая отраслевая экономическая наука – экономика образования. Среди советских ученых, сыгравших большую роль в становлении этой науки в нашей стране, – Лев Ефимович Эпштейн. А с 1970-х годов на всех факультетах ЧГПИ преподаватели кафедры политэкономии под его руководством начинают читать новую учебную дисциплину – экономику народного образования.

В середине 1960-х при Челябинском обкоме КПСС был создан общественный институт социологических исследований. Руководил институтом секретарь обкома партии, кандидат исторических наук Е.М. Тяжельников (прошедший в свое время в нашем педуниверситете путь от выпускника до ректора; известный как главный комсорг страны; дипломат).

Тогда общественный институт издавал информационный бюллетень, в котором печатались результаты социологических исследований ученых вузов Челябинской области и практических работников промышленных предприятий, партийных комитетов. Лев Ефимович был бессменным редактором и составителем этого бюллетеня.

Л.Е. Эпштейн – в числе первых ученых, осознавших значение и возможности социологических исследований. С 1964 года он принимает участие в работе общественного Института социальных исследований, руководит проблемной группой социального планирования. Консультации для заводских социологов, работников экономических отделов, руководителей, хоздоговорные исследования на различных предприятиях были направлены на поиск путей повышения эффективности производства.

Лев Ефимович создал научную школу, в рамках которой подготовлены одна докторская и более 20 кандидатских диссертаций; опубликовано более 80 монографий и научных сборников; выпущен учебник для системы экономического образования; разработаны планы социального развития для промышленных и сельскохозяйственных предприятий, городов, регионов, благодаря чему в 1973 году ЧГПИ был участником ВДНХ и получил заслуженные награды.

Пропагандист, поборник экономического воспитания всего населения, он активно выступал с разъяснением соответствующих злободневных вопросов

и в школьной, и в студенческой аудитории, и в производственных коллективах, и на курсах усовершенствования учителей истории и обществоведения.

В нашем университете учреждена именная стипендия Льва Ефимовича Эпштейна, которая назначается студентам старших курсов, успевающим на «отлично» и добившимся особых успехов в изучении социально-экономических дисциплин.

ПОРТРЕТ ПЕДАГОГА

Лев Ефимович запомнился студентам энергичным, увлеченным, немного ироничным, с удивительно притягательным взглядом умных глаз. Судьба его была непростой, но это не позволило ему растерять бесценные человеческие черты: сопереживание, желание понять и помочь человеку, деликатность, чуткость. Уже к началу своей трудовой деятельности, будучи молодым преподавателем, он обладал не только солидными знаниями по политической экономии, но и большим жизненным опытом, приобретенным на фронте. Читал лекции обычным голосом, напрягать голосовые связки не было нужно: его слушали все – те, кто понимал политэкономию, и те, для кого экономические законы и категории представлялись китайскими иероглифами. Теоретические проблемы в изложении Льва Ефимовича запоминались на всю жизнь, но еще более запоминался образ настоящего интеллигента, ученого,

фронтовика, мужчины, одним своим присутствием воспитывавшего молодежь, не возвращая специально культ знаний.

Яркий, талантливый педагог, Лев Ефимович Эпштейн стал легендой нашего вуза. Поколения студентов вспоминают его замечательные лекции, тонкое чувство юмора, умение захватить внимание любой аудитории. На занятиях профессор и студенты вместе думали и анализировали экономические процессы. Он всегда опирался на широкий круг информационных источников. Книги по экономической теории с грифом «для специальных библиотек» (П. Самуэльсон, Дж. К. Гэлбрейт и мн. др.), новейшие исследования советских специалистов в области эконометрики (одно время по его инициативе на кафедре для преподавателей вели спецкурс «Математические методы в экономических исследованиях»), хорошее знание реалий окружающей экономической жизни – все это позволяло профессору делать обоснованные выводы о текущих экономических проблемах, иногда они облекались в иносказательную форму, что было спецификой времени.

Он был живым и веселым, контактным и обаятельным, остроумным и доброжелательным. И просто добрым. Например, на пессимистичное заявление: «Лев Ефимович! Иванова знает только формулу оборота капитала!», он отвечал: «Вот видите! Она знает – формулу оборота капитала!». Или: на затянувшейся консультации перед экзаменом профессор устало спрашивает: «Ну, что вам еще от меня надо?..» – «Шоколада!» – под-

шучиваю студенты. На следующий день на столе рядом с пачкой билетов лежал пакет конфет. Каждый экзаменуемый получал билет и конфетку. И вдруг в ответ на реплику: «Я не могу отвечать! Я не знаю этот вопрос!» – последовал ответ: «Успокойтесь, молодой человек, сядьте, подумайте. Вот вам еще конфетка». Много таких трогательных историй о нём хранят в памяти ученики. Его с восторгом вспоминают те, кто был его студентами, с благодарностью – аспиранты, с любовью и признательностью – коллеги. Он умел пробудить мысль: дать не сумму знаний, за которые надо потом «отчитаться», а умел размышлять, анализировать, думать. Любой вопрос, проблему он предлагал рассматривать с разных точек зрения.

Для Льва Ефимовича были небезразличны не только научные успехи или неудачи его учеников. Он хотел видеть в них не только ученых, но и людей, которые умеют сопереживать, поддерживать в трудную минуту, умеют радоваться чужому успеху.

Случилось так, что Лев Ефимович оказался в больнице с обширным инфарктом. «Наш самый жизнерадостный больной», – утверждали медсестры. Нельзя двигаться, но можно творить. Львом Ефимовичем написана поэма «Инфарктиада» с эпиграфом: «Инфаркт без причины – признак дурачины». И это, как видно, о себе:

Нестандартен человек
В высокостандартный век.
Его желания и мысли,

Как зарплату не начислить,
Под рентгеном не узнать,
Наперед не угадать.

А еще пятьдесят афоризмов. «Эйфоризмы», – так называет их автор. Например: «Инфаркт – это мина замедленного действия: ее закладывают обстоятельства, но фитиль поджигаем мы сами»... «Среди больных тоже бывают нахалы: их лечат, а они все равно выздоравливают». «Легче найти шпиона, чем санитарку». «Чтобы успешно излечиться, надо иметь одно из двух: либо терпение, либо здоровье».

У Льва Ефимовича было редко встречающееся сочетание таких качеств, как творческое мышление, демократизм и остроумие.

ЭПИЛОГ

В его трудовой книжке в разделе приема на работу значится единственная запись: «Принят на работу в Челябинский государственный педагогический институт». В вузе он трудился в течение 30 лет.

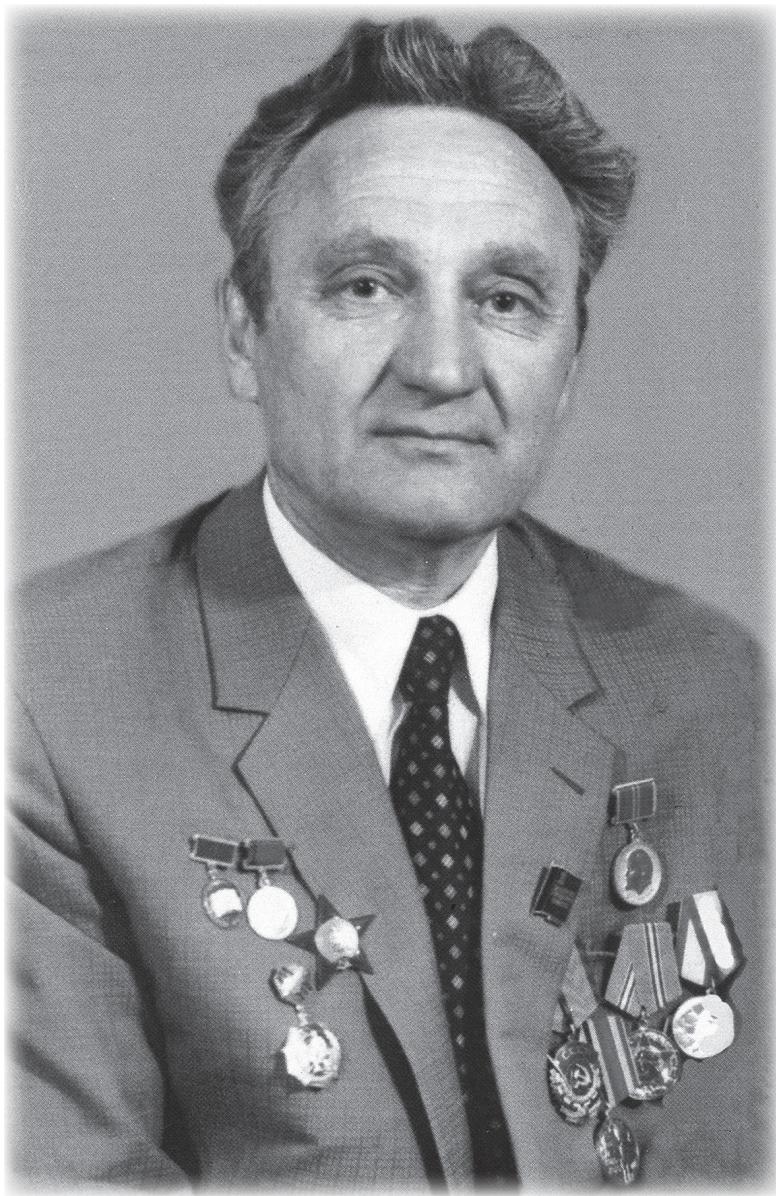
За успехи в подготовке профессиональных кадров и научные достижения первый доктор экономических наук в Челябинске Лев Ефимович Эшштейн был награжден орденом Октябрьской Революции, Почетным знаком Министерства высшего и среднего специального образования «За от-

личную работу». Его имя занесено в Книгу почета ЧГПУ.

20 апреля 1979 года оборвалась его короткая жизнь. Несколько месяцев не дожил он даже до своего шестидесятилетия.

Остались его ученики. Его дети – сын и дочь (внуки появились уже после смерти деда). Его мысли. Его статьи и книги. Его дело – экономическое воспитание и образование молодежи, актуальное и поныне. Его широкая опора на социологические методы изучения экономических проблем, анализ статистики, математические расчеты, свидетельствующие о применении ученым различных методов исследования, стремлении достичь научной достоверности вдумчивым позитивно и творчески мыслящим человеком, ищущим пути повышения эффективности производства. В его работах – мысли, получившие сегодня распространение в концепции социальной рыночной экономики, в области управления производством и персоналом. Его предвидения и результаты научной работы, имеющие и сейчас практическую значимость. Его идеи, продолжающие развиваться учениками и последователями.

/////////////////// К 80-летию Великой Победы //////////////////

ФРОНТОВАЯ САМООТВЕРЖЕННОСТЬ В ТРУДЕ. НИКОЛАЙ ТОМИН

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Родился Николай 16 декабря 1924 года в деревне Ключи Чебаркульского района Челябинской области, там прошли его детство и юность. С крестьянским бытом и тяжёлым трудом познакомился рано. Окончание средней школы при областной опытной станции в Чебаркульском районе совпало с началом Великой Отечественной войны, в 1941 году шестнадцатилетний юноша начинает трудиться линейным монтером радиоузла на опытной станции в пос. Тимирязевском, участвует в радиофикации близлежащих сёл – в составе бригады тянет провода, устанавливает чёрные тарелки репродукторов: в тревожное для страны время люди особенно ждали вестей с фронта.

ВОЕННАЯ ОТВАГА

В августе 1942 года Николай призван на военную службу и направлен в Ленинградское пехотное училище, эвакуированное в г. Березники Пермской области. В марте 1943 года, после краткосрочной семимесячной учебы, в звании младшего лейтенанта прибыл на 3-й Украинский фронт командиром минометного взвода.

С весны и до окончания 1943 года восемнадцатилетний герой отважно участвует в боях на передовой линии фронта в составе 37-й гвардейской стрелковой дивизии 174-го гвардейского полка. **За боевые заслуги в командовании взводом** Николай Андреевич Томин награждается орденом «Красной Звезды».

...Из более ста молодых людей 1924 года рождения тогда, согласно статистике, с войны возвращался только один, и таким оказался Николай Андреевич. Сам фронтовик спустя годы так вспоминал о том кровопролитном времени: «Мы, я имею в виду ребят и девушек, которые родились в 1924–1925 годах, пришли на фронт сразу после школы. Нам было по 18–19 лет, когда становились солдатами, командирами взводов и рот. Старшие солдаты по возрасту в 1943 году в основной своей массе уже выбыли из действующей армии: кто по ранению, кто погиб, но они смогли сделать главное в той войне: отступая, они остановили фашистов, обескровили целые вражеские армии. Они – это битва под Москвой, Сталинград... Мы, пришедшие им на смену, имели за плечами короткий жизненный опыт. И то, что совершили на фронте мои сверстники, было прямым результатом воздействия на нас советской школы: на всю жизнь одним из больших впечатлений военных лет останется воспоминание того духа товарищества, взаимопонимания и искреннего патриотизма, который царил в войсках. Против

нас действовала гитлеровская армия. К 1943 году там тоже преобладала молодежь. И то, что совершали они, тоже было результатом воспитания школы, но школы фашистской Германии. Теперь с позиции педагога могу сказать, что тогда в буквальном смысле воевали между собой две школы... Как воевали – об этом довольно много написано. Приведу один пример.

Летом 1943 года наша часть несколько дней воевала в окружении. Многие наши товарищи погибли. Те, кто остался жив, пробились к своим частям. Нас отвели на отдых и пополнение в тыл, километров на пять от передовой. И наши войска захватили к этому времени плацдарм в излучине Днепра, размером пять на семь километров. Его необходимо было обороныть и расширять. Когда наш полк направили на этот плацдарм, среди солдат царил безраздельный энтузиазм и желание продолжать бои с противником, а ведь многие из нас совсем недавно воевали в полном окружении, теряли друзей, но ни на мгновение не теряли уверенность в полной и неизбежной победе над фашистами. И ради этой победы ребята умирали и совершали подвиги».

31 декабря 1943 года в кровопролитных боях за город-порт Николаев Николаевской области Украины молодой командир взвода Николай Томин, потеряв несколько подчиненных бойцов, выполняя приказ командования, сам пополз в одинокий на незахваченной полосе окоп, откуда только и можно было корректировать огонь миномётов. Но на самом бруствере, когда казалось, всё уже позади и ему повезло пробраться незамеченным, он, прикрыв собой раненого, сам

оказывается под снайперским огнём и получает тяжёлое ранение.

Эвакуирован в военный госпиталь в г. Новосибирск, где с начала 1944 года до марта 1945-го находился на излечении – перенёс множество операций, которые спасли его от смерти, но не от недуга: нога не сгибалась, и боль продолжала мучить все годы.

Победа застала Николая Андреевича дома, в Чебаркульском районе, хотя известия о ней ждали с надеждой еще в госпитале, передвигая по карте флаги, предугадывая ее совпадение с Первомаем. Девятого мая в сельском клубе состоялся стихийный митинг, на котором выступил академик Т.Д. Лысенко (занимающийся развитием зерновых культур на Урале и Сибири, решая проблемы обеспечения хлебом в годы войны), а вечером земляки-фронтовики, их родные и друзья, собрались на квартире одного из них: все были радостно возбуждены, разговорам не было конца.

УЧЕБА В ЧГПИ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Наступили мирные будни. Утратив по инвалидности довоенную работу линейного монтера-радиста, Николай Андреевич оказался без профессии и средств к существованию. Отец его погиб на войне. Необходимо было помогать больной матери. **Важную роль в дальнейшем становлении сыграла встреча с Иваном Николаевичем Владыкиным, школьным**

учителем, который убедил молодого фронтовика избрать профессию педагога.

Летом 1945 года Николай Андреевич приезжает в Челябинск, где начинает трудиться старшим лаборантом на кафедре общей физики Челябинского государственного педагогического института и поступает на физико-математический факультет. Проживая в вузовском общежитии, он знакомится там со студенткой естественно-технологического факультета Ларисой Ивановной Растворовой, ставшей спустя два года его женой.

По окончании института, в 1949 году, семейная пара получает распределение в Кундравинскую школу Чебаркульского района Челябинской области, где Николая Андреевича сразу выдвигают на должность директора. Перед ним стоит задача преобразовать семилетнюю школу в среднюю. Так 25-летнему руководителю пришлось не только вникать в организацию учебного процесса, но и обустраивать интернат для детей из окрестных деревень и возводить новое учебного здание.

В Кундравах в молодой учительской семье родились дети Володя и Наташа.

ПЕРЕЕЗД В ЧЕЛЯБИНСК

В 1953 году по семейным обстоятельствам (нуждался в лечении сын) Николай Андреевич переезжает с семьей в г. Челябинск, где, учитывая предыдущий

опыт, назначается на должность директора школы-новостройки № 91 в Металлургическом районе.

Вместе с руководителями школ того же района: С.Е. Матушкиным, М.Е. Дурановым, В.В. Девятых, за плечами каждого из которых были тоже война, педвуз и жизненный опыт, Николай Андреевич с целью развития научной грамотности начинает организовывать семинары, приобретать множество книг, журналов для изучения К.Д. Ушинского, А.В. Дистервега и других классиков педагогики. На семинарах горячо спорили, громя авторитеты, нередко после убеждаясь на практике в поспешности мнимых побед.

Конец 1950-х годов – время школьной реформы, одним из важных направлений которой стало трудовое обучение. Средняя школа № 91 вошла в число 50 экспериментальных площадок СССР, где в 5–7-х классах вводились уроки труда, проходившие в специальных мастерских. Николай Андреевич наладил деловые связи с шефами – заводом «Теплоприбор» и ЧМК: ученики начинают осваивать токарное, фрезерное, слесарное дело. В школе создается пристрой, где оборудуются специальные мастерские. Она становится лучшей в городе не только по их оснащению, но и среди кабинетов физики, биологии – служит примером в организации процесса учёбы и воспитания. **Директору Николаю Андреевичу приходится уделять много внимания проблемам трудового обучения. Его экспериментальная работа выливается в кандидатскую диссертацию по теме «Производственное обучение и производительный труд в школьных мастерских», которую он успешно защищает 15 июня 1960 года в ученом совете АПН СССР.**

И СНОВА ЧГПИ

После защиты последовало предложение директора педагогического вуза А.Г. Карманова перейти в институт на должность заведующего кафедрой общетехнических дисциплин. **Начиная с 1961 года в течение 40 лет жизнь ученого-педагога связана с родным вузом.**

За короткое время кафедра общетехнических дисциплин становится центром политехнического обучения для школ города и области, ибо в работе Николай Андреевич как максималист всегда стремится к наилучшему результату. Студенты и коллеги знают его как руководителя требовательного, но не утратившего при этом человечности, ведь главным качеством в педагогике он считает доверие.

Активность и приобретенный организаторский опыт сразу делают Николая Андреевича одним из видных сотрудников института, поэтому, когда в 1964-м ректора Е.М. Тяжельникова пригласили на работу в областной комитет партии, он рекомендует его на свое место.

РАБОТА РЕКТОРОМ

В июне 1964 года Николай Андреевич Томин возглавил институт. 1960-е годы для вуза – время исканий, зарождения многих интересных традиций, активного формирования и развития научных

школ: в области экономики – Л.Е. Эпштейна; истории КПСС – Н.К. Лисовского; физики твердого тела – С.В. Шулепова; квантовой теории – М.С. Свирского; методики физики – А.В. Усовой; диалектологии – Г.А. Турбина; фразеологии русского языка – А.М. Чепасовой. **Именно под началом Николая Андреевича периферийный институт стремительно развивается и становится заметным, крупным высшим учебным заведением в России: с 1966-го – это вуз первой категории.**

Ректор умело направляет коллектив на решение задач по подготовке высококвалифицированных кадров для школы, ведь учитель, по убеждению Николая Андреевича, – удивительная, романтическая, много-трудная, но самая почетная профессия.

Талантливый созидатель, он стремится не приказывать, а именно воодушевлять людей, настраивая на необходимость осуществления задуманных планов. За годы управления вузом, он не подписал ни одного приказа с выговором или увольнением. А если встречались трудности и имели место недоработки, то это, по его мнению, следствие того, что в реальной жизни решать все проблемы быстро и правильно удается сразу далеко не всегда. Он старается не допускать конфликтных ситуаций в коллективе: стремится не разжигать, а гасить их на корню.

Основными задачами ректора Николай Андреевич считает выработку стратегии развития вуза, умноженную на оперативность решения проблем ближней перспективы. Призываая вуз к борьбе за новое, он предлагает, опираясь на реальные возможности, развивать

одновременно материальные, научные и духовные сферы коллектива преподавателей и студентов.

Николай Андреевич становится организатором строительства физико-математического корпуса, ввод в действие которого позволил увеличить учебные площади примерно в два раза. В новых кабинетах и лабораториях устанавливается самое современное оборудование. Факультеты и кафедры уделяют большое внимание использованию технических средств обучения, самостоятельной работе студентов, новым видам организации аудиторных и внеаудиторных занятий. Студенты под руководством преподавателей более активно участвуют в работе научных кружков, семинаров. В этом отношении накапливается богатый опыт и складываются добрые традиции. Продолжается интенсивная работа института по линии научного общества учащихся, его филиалы открываются во многих школах города Челябинска, работой их руководят самые опытные учителя. Многие из членов НОУ проявляют большой интерес, становясь затем студентами ЧГПИ и других вузов.

Важное и трудное дело ректора – постоянный контроль и необходимая стимуляция научного роста преподавателей, а также активное подключение к научно-исследовательской работе студентов. Благодаря его энергичной помощи и необходимой поддержке, в институте появляются свои первые доктора наук: М.С. Свирский, Н.К. Лисовский, Л.Е. Эпштейн, Г.В. Клещев, Г.А. Турбин, А.М. Чепасова, А.В. Усова, С.Е. Матушкин, В.П. Самарин, В.П. Раков, С.А. Сидоренко, С.В. Шулепов и др. Значительно вырос-

ло количество кандидатов наук. Наш пединститут по праву становится центром формирования научных кадров.

Со второй половины 1960-х годов вуз получает право на издательскую деятельность и становится головным среди педагогических учебных заведений Южного Урала в этом отношении. За пять лет объем печатной продукции достигает 250 печатных листов, выходят учебные, а также научные издания, среди них 15 монографий.

Большое внимание уделяется Николаем Андреевичем совершенствованию учебно-воспитательного процесса: здесь он отмечает **важный вклад проректоров по учебной и научной работе Л.Г. Ахумовой**,

С.Е. Матушкина, В.П. Ракова, С.В. Шулепова; завкафедрами Н.К. Лисовского, Л.Е. Эпштейна, А.П. Стукова,

Г.А. Турбина, Е.М. Гойдо, И.Я. Баркова, Е.С. Коchetковой, Г.Д. Шереметьева, М.С. Свирского, В.И. Окорокова, В.П. Самарина, Л.Я. Леванидова, А.Д. Сысоева, Н.А. Фомина, Ф.А. Медведева, а также деканов факультетов В.А. Пятина, А.И. Лазарева, М.А. Шитякова, Ю.В. Катукова, Б.В. Григорьева, С.И. Дергачева и др. – их работа всегда отличалась смелостью и энтузиазмом, была направлена на успех и творчество.

Совместно с Фёдором Александровичем Медведевым Николай Андреевич организует строительство спортивно-оздоровительного лагеря «Чайка» на озере Чебаркуль и лыжной базы.

В начале 1970-х годов он помогает значительно активизировать деятельность кафедры педагогики и психологии С.Е. Матушкину. Поддерживая с ней тесные плодотворные связи, Николай Андреевич выпускает две свои монографии «Педагогические основы производительного труда школьников» и «Организация производительного труда школьников». Заботясь о профессиональном росте своих первых помощников, он предоставляет проректорам С.В. Шулепову и В.П. Ракову все возможности для подготовки и защиты ими докторских диссертаций.

Одно из приоритетных направлений в работе Николая Андреевича – развитие материальной базы института. Кроме корпуса физмата при нём было построено общежитие № 3; разработана и утверждена техническая документация на строительство общежития № 4; обустраивалась территория спортивно-оздоровительного лагеря «Чайка». Велись проектные работы по надстройке главного корпуса на два дополнительных этажа. Николай Андреевич был уверен в возможности такого строительства, но не успел реализовать эту идею.

Трудностей в работе ректора всегда хватало, а учитывая, что социальная сфера всегда финансировалась по остаточному принципу, приходилось обращаться к городским и областным властям за помощью и содействием в развитии вуза, и ему шли навстречу, помогая решать квартирный вопрос и материальные проблемы. Для расселения преподавателей из общежития институт дважды благодаря ему получил десятки квартир, и все семейные преподаватели получили отдельное жилье.

ЗАВЕДОВАНИЕ КАФЕДРОЙ

Совмещать работу ректора с научной деятельностью из-за перегрузок практически невозможно. На выходе докторская диссертация Николая Андреевича, а о творческом отпуске не могло быть и речи. В 1971 году он пишет заявление с просьбой перевести его на должность доцента кафедры педагогики – это было смелое решение самоотверженного человека, о котором ему никогда не пришлось сожалеть!

В 1973 году он блестательно защищает докторскую диссертацию по теме «Педагогические основы производительного труда школьников». С 1976 года становится заведующим кафедрой педагогики, которой руководит в течение 15 лет. В июне того же года Николаю Андреевичу присвоено звание профессора.

Вместе с организацией им учебного процесса всегда много опыта, сил и внимания отдает он аспирантам и соискателям: под его руководством с 1961 по 1991 год защищено 30 кандидатских диссертаций. Знания, профессионализм и ответственность Николая Андреевича всегда были на высоте и особенно востребованы.

Наряду с прямыми обязанностями он посвящает много времени общественной работе. В течение 20 лет возглавляет он Челябинское отделение Добровольного общества книголюбов РСФСР, ставшего под его началом одним из ведущих в России, участвует в учредительных всероссийском и всесоюзном

съездах этого общества в 1972 году. Избирается депутатом районного совета, членом бюро обкома партии и 2–3 диссертационных советов. Но больше всего внимания он всегда уделяет научной работе.

В педагогическом наследии Николая Андреевича 150 научных трудов, объемом более 170 печатных листов, среди них: «Профессиональное самоопределение школьников: теория, практика, исследование», «Педагогические проблемы детской одаренности», «Формирование воспитательных умений будущих учителей», «Межпредметные связи педагогики и математики», «Формирование у студентов интереса к науке», «Основы организации научно-исследовательской работы», «Малоисследованные возможности эвристики» и мн. др.

НА НОВОМ ВИРАЖЕ

30 сентября 1991 года в ЧГПИ издан очередной приказ об истечении пятилетнего срока избрания Томина на должность завкафедрой. Тогда Николаю Андреевичу исполнилось 67 лет. Еще во время выдвижения его на третий срок, он предупреждал, что соглашается на заведование в последний раз, но, хотя все знали об этом, восприняли это решение как неожиданное: слишком очевидной была его высокая работоспособность. Однако пришлось в очередной раз убедиться в твёрдости характера этого человека. Как показало дальнейшее развитие событий, несмотря на то, что

это был его очередной добровольный уход с руководящей должности, сказывающийся буквально на каждом подчиненном, и что судьбой ему было отмерено всего 11 лет, но и это – не пик его жизни, а новый, как всегда, ещё более интересный, плодотворный и запланированный им ее виток!

Доказательством служит следующий факт: если за все годы до этого им было подготовлено 30 кандидатов наук, то за период с октября 1991 по май 2002 год – внимание – под руководством Николая Андреевича защищена 31 кандидатская и 10 докторских диссертаций! При этом 20 его бывших аспирантов и соискателей стали докторами наук, то есть половина из них независимо, а другая – под его непосредственным научным руководством, но все они консультировались у Томина, лишь защиты и оформления проходили у каждого так или иначе. Особенностью натуры Николая Андреевича была самоотверженность и удивительная щедрость, с которой он дарил окружающим обоснованные научные гипотезы и идеи. Кроме того, он обладал талантом притягивать к себе людей, и до конца его жизни кафедра официально или неофициально неизменно продолжала собираться вокруг любимого руководителя и по научным делам, и по-дружески.

Итак, в 1998 году создатель научной школы по проблемам трудового обучения, воспитания и профориентации учащихся, совершенствования дидактики средней и высшей школы Николай Андреевич Томин избран академиком Международной академии

педагогического образования (МАПО). Но более всего дорожил он званием «Почетный доктор ЧГПУ», присвоенным ему в 1999 году. В книге почетных докторов он оставил следующую запись: «Нет большего счастья, чем учиться, трудиться и получить такое высокое признание родного коллектива. Буду работать, помогать молодёжи в научном росте, сколько смогу».

В минуты отдыха Николай Андреевич любил трудиться на садовом участке. Хотя личное время его всегда было ограничено, семейная жизнь Николая Андреевича служила примером для многих: уютный дом был местом встречи его коллег и учеников, а порядочность, требовательность, ответственность и доброта в заботе о людях – чертами характера. Быть женой такого человека непросто, надо уметь вести себя в любой обстановке, принять неожиданных гостей, правильно ответить на телефонный звонок. Лариса Ивановна, будучи доброй, спокойной, скромной и хозяйственной, прекрасно справлялась с этим. Из-за слабого здоровья сына, постоянной заботе о котором посвятила она себя, семья рано потеряла его. Педагогический талант родителей и научную деятельность отца унаследовала дочь **Наталья Николаевна** (в замужестве Гордеева): в 1971 году она

окончила естественно-технологический факультет нашего вуза, работала в ШРМ № 13, обучаясь в аспирантуре; в 1975 году стала кандидатом биологических наук, доцентом кафедры биологии растений и методики преподавания биологии и экологии, а в 2002 году – доктором педагогических наук. Внуки, Антон и Ксения Гордеевы, тоже продолжают свои семейные традиции.

До последних дней Николай Андреевич трудился, консультировал, оказывая бесценную помощь, потому что всегда чувствовал ответственность, уважение и любовь к людям, передавая те же качества своим ученикам, которые помнят его мудрость и мастерство, заботу и щедрость, порядочность и тактичность, блестящие память и эрудицию, неиссякаемые оптимизм и чувство юмора и, конечно, удивительно теплую улыбку!

Состояние боевого духа и самоотверженности пронёс Николай Андреевич через все свои годы: как, прикрыв собой солдата, получил он тяжёлое ранение на фронте, так за десять дней до конца своей жизни, в тяжелейшем состоянии, приехал он на защиту докторской диссертации, чтобы прикрыть одного из своих подопечных, П.И. Костенка. День этой защиты стал последним днём Николая Андреевича в вузе. Затем он увиделся со своими учениками в больнице: на прощание, будучи не в состоянии говорить, только улыбнулся глазами, тихо похлопав ладонью по кровати.

ЭПИЛОГ

23 мая 2002 года Николая Андреевича не стало, но память о нём и его делах всегда с нами. Он был и останется примером настоящего патриота и гражданина, видного учёного и талантливого руководителя, сердечного и самоотверженного человека.

Его фронтовые заслуги отмечены: орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и юбилейными медалями; работа в системе народного образования: орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За доблестный труд», нагрудным знаком «Почетный работник высшего и профессионального образования России» и др. Он заслуженный учитель школы РСФСР; заслуженный работник высшей школы РФ.

Историей жизненного пути Николая Андреевича Томина, опубликованной в газете «Танкоград» к 100-летию учёного-педагога, думается, неслучайно совпавшему с 90-летием самого педагогического университета, мы завершаем свой рассказ, в котором сумели поделиться с читателями воспоминаниями о преподавателях-фронтовиках, внесших свой вклад в Великую Победу, 80-летие которой встречаем в 2025 году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балтийское мужество. Рид Брандесов / О. Карпенко // Танкоград. – № 19. – 2024. – 8 октября.
2. Две ярких жизни одной короткой судьбы. Иван Семёнов / О. Карпенко // Танкоград. – № 7. – 2024. – 16 апреля.
3. Духовный резонанс / Н.П. Терентьева // Музейный вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета / сост. Н.А. Вахрушева. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2020. – № 43. – С. 92–95. – 978-5-907210-93-6
4. Жизнь как подвиг. Семён Сидоренко / О. Карпенко // Танкоград. – № 13. – 2024. – 11 июня.
5. И помнит мир спасенный: преподаватели и сотрудники ЧГПИ–ЧГПУ – участники Великой Отечественной войны / Челябинский государственный педагогический университет; Н. А. Вахрушева. – Челябинск, 2013. – 297 с.
6. История и историки: нам – 70 лет! (Исторический факультет: прошлое, настоящее, будущее) / рук. авт. колл. Г.С. Шкребень. – Челябинск, 2006.
7. Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / гл. ред. Г.С. Шкребень. – Челябинск, 2008.

//////////////// Девять фронтовых судеб //////////////////

8. На всю оставшуюся жизнь нам хватит подвигов и славы: о Великой Отечественной на страницах газеты «Молодой учитель». – Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2005. – 272.
9. На высоте в бою и в жизни. Лев Эпштейн / О. Карпенко // Танкоград. – № 20. – 2024. – 13 ноября.
10. На крыльях Победы. Андрей Абрамовский / О. Карпенко // Танкоград. – № 17. – 2024. – 18 сентября.
11. Николай Томин: ученый и учитель [к 85-летию профессора Н. А. Томина и 75-летию Челябинского государственного педагогического университета посвящается] / ЧелИРПО; авт.-сост.: П. И. Костенок, И. В. Забродина, Л. Н. Трубина. – Челябинск : Челябинский институт развития профессионального образования, 2009. – 162 с. – ISBN 978-5-93407-025-1
12. Профессора Челябинского государственного педагогического университета: биографии / под ред. В.В. Латюшина, В.Г. Швеммера, Л.М. Бочковой. – Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2004. – 244 с. – ISBN 5-85716-462-1
13. Русский солдат Великой войны – Василий Четин / О. Карпенко // Танкоград. – № 9. – 2024. – 8 мая.

14. Свирская, Л.М. Очарованный наукой: повесть о Моисее Соломоновиче Свирском (к 90-летию со дня рождения) / Л. М. Свирская; Министерство образования и науки РФ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный педагогический университет». – Екатеринбург : Сократ, 2013. – 199 с. – ISBN 978-5-90635-013-8
15. Семен Анисимович Сидоренко: первый профессор Отечественной истории Южного Урала. – Челябинск, 2000. – 52 с. – Серия: Ведущие ученые ЧГПУ.
16. Фронтовая самоотверженность в труде. Николай Томин / О. Карпенко // Танкоград. – № 22. – 2024. – 10 декабря.
17. Человек, который знал всё, – Владимир Антропов / О. Карпенко // Танкоград. – № 5. – 2024. – 12 марта.
18. Челябинский государственный педагогический университет: энциклопедия / ред.-сост. Г. С. Шкrebень. – Челябинск : Челябинский государственный педагогический университет, 2009. – 1143 с. – ISBN 978-5-85716-791-5
19. Челябинск: энциклопедия / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск, 2001. – 1076 с. – 5-88771-020-9

/////////// *Девять фронтовых судеб* //////////

20. Челябинский государственный педагогический университет / под ред. А.Ф. Аменда. – Изд. 2-е испр. и доп. – Челябинск, 2004. – ISBN 5-85716-200-9
21. Челябинская область: энциклопедия: в 8 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. – Челябинск, 2007. – ISBN 963-368-637-7
22. «Челябинский Эйнштейн» – Моисей Свирский / О. Карпенко // Танкоград. – № 3. – 2024. – 20 февраля.
23. Эпштейн Лев Ефимович. – Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 1999. – 28 с. – Серия: Ведущие ученые ЧГПУ.

Художественно-публицистическое издание

Карпенко Ольга Эдуардовна

9 ФРОНТОВЫХ СУДЕБ

*Биографические очерки
об участниках Великой Отечественной
войны – преподавателях ЧГПУ*

ТАНКОСРАД
Компания, вдохновленная
честной, бесподобной
и яркой блеском

Редактор *С.В. Алабжин*
Подготовка оригинал-макета *О.Э. Карапенко*
Оформление обложки *М.В. Садкова*
Фото *Л.В. Бородулиной*,
а также из семейных архивов
преподавателей

Подписано в печать 17.04.2025. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура “NewBaskervilleC”
Усл. печ. л. 10,7. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69